

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

1

Термин "русский язык" употребляется в четырех значениях. 1) Он обозначает совокупность всех живых языков восточнославянской ветви от выступления восточных славян на историческое поприще до образования наций: великорусской, украинской и белорусской. 2) Он применяется для обозначения того письменного языка, который, сложившись на основе общеславянского литературного языка (так называемого языка **церковнославянского**), выполнял литературные функции в Киевской и Московской Руси до образования **русского (великорусского)** общенационального языка. 3) Он обозначает совокупность всех наречий и говоров, которыми пользовался и пользуется в качестве родного языка русский народ. 4) Наконец, он обозначает **общерусский** национальный язык, язык прессы, школы, государственной практики.

Эта многозначность термина не мешает пониманию сущности дела. Такое словоупотребление вполне оправдывается историей русского языка.

Русский язык относится к восточной группе славянских языков. Язык восточных славян отличался от языков других ветвей славянства целым рядом особенностей.

1) фонетических (таковы, например, полногласие: *молоко, борода, берег* и т. п.; звуки *ч* на месте более древних *тј, ж* - на месте *дј*: *свеча, межа* и т. д.);

2) грамматических (например, в образовании отдельных падежей имен сущ.: *иь* - первоначально носовое - в формах род. пад. ед. ч. и вин. п. мн. ч. от слов женского мягкого склонения на *я*; *иь* - в вин. пад. мн. ч. имен сущ, муж. рода типа *конь* и др. под.; в образовании разных падежей ед. ч.

местоименного или членного склонения имен прилагательных; в образовании основ разных глагольных форм, например имперфекта, в образовании формы причастия наст. вр. и т. п.);

3) лексических (ср., например, употребление таких слов, как *глаз, ковер, плуг, волога* 'жир', *паволока, клюка* 'хитрость', *окорок, пором, копытце* 'обувь', *горшек, тяжа, хорошав* 'величав', *щюпати* и т. п.).

Язык восточных славян еще в доисторическую пору представлял собою сложную и пеструю группу племенных наречий, уже испытавших разнообразные смешения и скрещения с языками разных народностей и заключавший в себе богатое наследие многовековой племенной жизни.

Сношения и соприкосновения с балтийскими народностями, с германцами, с финскими племенами, с кельтами, с турецко-тюркскими племенами (гуннскими ордами, аварами, болгарами, хазарами) не могли не оставить глубоких следов в языке восточного славянства, подобно тому как славянские элементы обнаруживаются в языках литовском, немецком, финских и тюркских.

Занимая Восточно-Европейскую равнину, славяне вступали на территорию давних культур в их многовековой смене.

Элементы древнегреческой культуры были занесены сюда издавна ионийцами, колонизаторами черноморского побережья. Установившиеся здесь культурно-исторические связи славян со скифами и сарматами также нашли отражение и отслоение в языке восточного славянства.

Акад. А. И. Соболевским было указано множество палеонтологических отложений скифской культуры и языка в названиях мест, народностей, в именах, фамилиях и в областной лексике на пространстве СССР. Между тем в скифской культуре обнаружены исследователями, помимо греческих влияний, еще сильные влияния народов и языков Кавказа и Средней Азии.

Таким образом, археологические данные, показания языка, ономастика, топонимика и свидетельства о международных - особенно торговых - связях Южной России с древнейших времен дают основание построить историю этой страны на представлении о многовековом непрерывном преемстве ее

сложной культурной жизни. Культура Киевской Руси вырастает на синтезе разнообразных традиций многовековой культуры, отчасти унаследованных от славянских родичей, отчасти выработанных в условиях самостоятельной жизни восточного славянства. Киевская Русь была первой значительной попыткой разрешить задачу связи черноморской и прибалтийской культур в относительно устойчивой политической организации; все предыдущие государства Южной Руси сметены ходом исторической жизни, а восточное славянство на более широкой базе основало вековую непрерывную работу над объединением Восточно-Европейской равнины и создало Европейскую Россию. Сложное взаимодействие и скрещение разных языков в среде восточного славянства ярко обнаруживаются уже в смешанном составе дохристианских славянских богов. "О славянском происхождении имени Перуна, - писал акад. Ф. Е. Корш, - теперь не может быть речи". Известно, что киевский князь Владимир - до принятия христианства - стремился установить свой пантеон, объявив военно-дружинный культ Перуна общим культом славян и объединив около Перуна целый ряд других богов: Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симарьгла и Мокошь. Это боги разноплеменного и разноязычного состава.

С другой стороны, в таких явлениях, как *коляда* (ср. лат. *Kalendae*), *русалии* (ср. *rosalia*) и т. п., можно видеть влияние, идущее с Запада. Таким образом, язык восточного славянства уже на заре своей исторической жизни выступает как носитель и объединитель сложных и разнообразных культурных традиций.

Сложность доисторических судеб восточнославянского языка обнаруживается и в загадочном происхождении самого имени *Русь*, *русский*. Многие считали и считают его исконным славянизмом (представители автохтонно-славянской теории). Кто выводил его из роксолан, считая их славянским племенем, смешанным с иранцами, скифо-сарматами. Кто связывал название Руси с мифическим обозначением народа *Ros* у еврейского пророка Иезекииля, перенесенным затем византийцами на славян; кто искал следы этого имени в названиях разных народов, населявших до славян Южную

Русь или прилегающие к ней страны. Были гипотезы, выводившие русское имя от финнов, литовцев, мадьяр, хазар, готов, грузин, евреев и от разных неизвестных народов. У норманистов господствует теория о связи имени *Русь* с финским термином "Ruotsi", которым финны называли шведов, а может быть, и вообще жителей скандинавского побережья. Некоторые лингвисты из лагеря норманистов готовы доказывать, что имя *Русь* вошло в русский язык непосредственно от скандинавов, без финской помощи. Все это должно для норманистов служить опорой мысли о варяжском происхождении русского государства.

В последнее время была даже выдвинута гипотеза о происхождении терминов *Россия* - *Русь* из двух разных культурных областей: имени *Русь* с севера, куда это слово принесли варяги, имени *России* с юга (ср. южнорусские названия с корнем *Рос-*, *Рс-*). Акад. Марр отрицал необходимость выводить происхождение имени *Русь* из какого-нибудь одного определенного племенного или национального языка. Он находил в нем следы яфетической стадии в развитии общечеловеческого языка. В Руси отложились "племенные слои доисторических или протоисторических эпох, не только скифский, но и ионийский, и даже этрусский, или урартский, т. е. тот же русский..." (Н. Я. Марр) .

Развитое искусство и высокая материальная культура восточных славян, какой она открывается в раскопках, утверждали исследователей в убеждении о существовании сильной самостоятельной дописьменной культуры на Руси. Наиболее авторитетные историки и историки-географы пришли к выводу, что славяне расселялись по Восточной Европе то большими племенными союзами, то значительно меньшими группами, чем роды и племена. Славяне как бы просачиваются в окружающую их среду других племен и народностей. "Главной особенностью славянской колонизации всегда была "ползучесть" ее... Вследствие этого постоянно изменялась граница русской земли, распадались прежние союзы" (С. М. Середонин). Племенные группировки славян были недолговечны, неустойчивы. Племенные имена их пестры и разнородны: в них явно преобладают термины

либо топографического, либо политического происхождения. Дробность поселений, отсутствие прочных племенных союзов исключали возможность общего языкового единства.

Развивались и нарастали местные отличия в отдельных племенных языках.

Однако нет основания признавать за древнерусскими племенами, перечисленными в летописном обзоре, сколько-нибудь коренное, определенно выраженное значение особых этнографических и языковых единств. Они - продукты группировки населения по определенным местностям, частью вокруг определенных культурно-политических и, вероятно, культурно-экономических центров.

Древнерусские племена, о которых говорят летописцы, по своему географическому соседству объединялись в более или менее обширные группы, сближавшиеся в языке и в обычаях. Следуя летописцу, историческим свидетельствам иностранных (например, арабских) писателей и опираясь на факты языка, историки русской культуры и русского языка (А. А. Шахматов, Е. Ф. Карский, Е. Ф. Будде, А. Е. Пресняков и др.) создали теорию деления русских племен на три основные этнолингвистические группы, тяготевшие к разным культурным центрам и находившиеся в сфере распространения разных культур. Первоначальная летопись (так называемая "Несторова"), которая является главным источником исторических соображений о расселении восточнославянских племен по Восточно-Европейской равнине, не дает вполне ясной картины племенного расслоения восточных славян.

У подножья Карпат сидели **хорваты белые**, на юго-восток от них, в бассейне Днестра, - **уличи** и **тиверцы** (быть может, смешанное население днестровского побережья), они "приседяху" даже и до Черного моря; на север и запад от этих племен жили в бассейне верхнего течения Западного Буга, а также правых притоков Припяти - **бужане** (позднее называвшиеся **волынянами**); по среднему течению Днепра сели **поляне**; их соседи к северу, занимавшие лесное пространство между правобережным днепровским предстепьем и Припятью, были **древляне**. На левом берегу Днепра, по Суле, Семи и Десне, располагались **северяне**,

восточные поселения которых доходили до Донецкого бассейна. Большинство исследователей объединяет эти племена в южнорусскую группу, отличающуюся общими языковыми особенностями - при наличии частных диалектальных различий.

К севернорусской группе племен принадлежали **кривичи**, сидевшие на верховьях Волги, Днепра и Западной Двины и разделявшиеся на **кривичей** полоцких, смоленских и псковских, и **словене** (новгородские), сидевшие в бассейне Ильменя и Волхова.

К IX в. кривичи заняли север до Финского залива, а в начале X в. уже владели верхним течением Волги до Ярославля, Ростово-Суздальскою и Муромскою областями, захватив многие пункты по нижнему течению р. Оки и северо-западный угол Рязанской области (В. А. Городцов).

Гораздо более неясен вопрос о **восточнорусской** или **среднерусской** группе славянских племен и говоров. В летописном обзоре восточнославянских племен названы не все эти племена, а лишь главнейшие. Мелкие деления их (например: **лучане**, **семичи**, **куряне** и др.) оставлены без упоминания. Это обстоятельство, по мнению акад.

Шахматова, "необходимо иметь в виду в особенности при разрешении вопроса о юго-востоке совр. России, о бассейне реки Дона", где сидели славяне уже во времена хазарского владычества. Позднее, переселяясь с Дона, они смешиваются в бассейне р. Оки с вятичами. Их язык Шахматов определяет как восточнорусское или степное (акающее) наречие.

Таким образом, кроме славянского населения, двигавшегося из бассейна Дона, среднерусскую или восточнорусскую группу племен в собственном смысле составляли **дреговичи**, сидевшие за Припятью до самой Западной Двины, **радимичи** - по Сожу и **вятичи** - в бассейне Оки, по-видимому, по верхнему и среднему ее течению.

В X в. вятичи колонизируют оба берега р. Оки, от Коломны до впадения и, вероятно, даже до владений касимовских кривичей. Вся же площадь их распространения включала в себя Тульскую область, Калужскую, южную часть Московской, центральную и западную части Рязанской области.

Восточные славянские племена, отличаясь друг от друга обычаями, степенью культуры и ее характером, обнаруживали большие различия и в языке. Объединяясь в политические союзы, сталкиваясь на разных путях колонизационных передвижений, племена смешивались между собою, смешивались и их наречия, говоры. Так, северяне, достигши до устьев Дона, а затем - под напором тюркских кочевников - вверх по Дону перейдя в бассейн Оки, встречаются тут с ранее пришедшими сюда кривичами. Вятичи распространяются к северу от Оки на Волгу и, оттесняя кривичей, смешиваются с ними.

Все же вопрос об особенностях племенных наречий и говоров восточного славянства до сих пор остается не вполне ясным.

Уже в русской письменности XI в. рельефно выступают диалектальные отличия в говорах отдельных областей.

Новгородские памятники XI в. отражают смешение *ч* и *ц*, близость *иь* к *и* и некоторые другие черты севернорусской фонетики и морфологии. К новгородскому говору был близок говор полоцко-смоленский. Гораздо позже (в памятниках XIII-XIV вв.) засвидетельствованы своеобразные особенности псковского говора (смещение *ш* - *с*, *ж* - *з*, мена *ч* и *ц* и др.).

Эти говоры (новгородский, псковский и полоцко-смоленско-витебский) соответствовали племенным объединениям словен и кривичей. Эта группа говоров северо-западного угла древней России явно обособлялась от остальных восточнославянских говоров особенностями фонетического и грамматического строя. Отмечались и своеобразия их словаря, а также некоторая близость их лексики к западнославянским языкам. Таковы, например, севернорусизмы: прилагательное *сторовый* вм. *здоровый* (ср. *сторовье*), которое находит себе параллели в кашубско-словенских и лужицких говорах, *обрин* из *обрим* (ср. древне-польск. *obrzym*); имена *Ян*, нередкое в Новг. I Летописи, *Матей* (там же, ср. чешское *Matej*), *Домаш* и нек. др. Были указаны проф. Н. М. Петровским "целых два разряда личных имен, свойственных в России почти исключительно новгородской области и своими суффиксами близких к таким, которые среди нерусского славянства употреблялись в подавляющем большинстве случаев на западе и сравнительно редко на юге" (Н. М. Петровский). Эти личные

имена с суффиксом *e,ta*, распространенные преимущественно у западных славян (например, новг. *Петрята, Гюрята* и т. п.), а также имена и прозвища с не вполне привычным для русского уха сочетанием *-хн-* (например: *Смехно, Прохно, Вахно, Жирохно, Олухно* и т. п. уменьшительные и ласкательные имена).

Гораздо более спорным является вопрос о языковых особенностях других древних племенных, а позднее, в X-XI вв., государственно-областных объединений и делений восточного славянства. Акад. А. И. Соболевский, обособляя северо-западную ветвь (Новгород, Псков и Полоцко-Смоленскую землю), считал прочие говоры древнейшей эпохи - говоры южной, западной и северо-восточной части древней Руси - "почти тождественными": все их отличительные черты заключались в различной звуковой окраске очень немногих слов (*дъжжъ* и *дъжчъ*) и в различных окончаниях очень немногих форм (*Юсме* и *Юсмо*). На самом же деле диалектальное дробление и тут было резче и разнообразнее. Однако в начале IX в. политическая жизнь восточного славянства выступает перед нами разбитой на два обособленных мира - южный и северный. Северный через раздвинутую им финскую массу выходит на путь непосредственных сношений со скандинавами. Южный втянут в круг византийских и хазарских отношений и первым выходит из глуши племенного быта на новые пути боевой и торговой международной жизни. Культурная связь с хазарами находит отражение и в древнерусском языке, например в имени *Каган* или *Хакан*, применяемом к русскому князю в "Слове о законе и благодати" митр. Илариона и в "Слове о полку Игореве", в названии Киева *Самбатас* (свидетельство Константина Багрянородного). Строится ядро Русской земли силами Южной Руси. Данные языка и археологических раскопок говорят о позднем и слабом проникновении византийского культурного влияния в Северную Русь и, во всяком случае, об отсутствии его здесь в VII-X вв. Это зависело, конечно, от культурно-политических своеобразий северного славянского быта, а не от норманского влияния. Влияние скандинавской культуры и скандинавских языков на славян не было велико. Работы И. И. Срезневского,

С. Бугге, Ф. Брауна, А. Норрена, Б. Сыромятникова, Е. А. Рыдзевской в области языка показали, что славяне приняли весьма мало элементов скандинавской культуры и, наоборот, сами многое передали скандинавам.

В то время как в северо-западных и южных объединениях восточных славян рано обнаруживаются резкие языковые отличия, об особенностях наречия восточнорусов приходится строить догадки, исходя из показаний современных южновеликорусских говоров. На эти догадки пока еще полагаться трудно, так как происхождение основной отличительной черты южновеликорусского наречия - аканья - остается еще не вполне ясным: время возникновения аканья не установлено. Во всяком случае, те языковые особенности, которые приписываются акад. А. А. Шахматовым восточнорусской группе, проявились в письменных памятниках очень поздно. Культура и образованность в древней Руси сосредоточивались преимущественно в областях, занятых наречием северным (центры - Новгород, Псков, Ростов, Владимир) и южным (центры - Киев, Чернигов, Переяславль и др.).

Чтобы стать на высоте тех задач, которые предъявлены были славянам условиями соседства и требованиями культурной жизни, им необходимо, было сгруппироваться в племенные союзы и получить начатки государственной организации. В борьбе с иноязычными врагами, главным образом с тюркскими кочевниками, восточнославянские племена сплачиваются в крупные государственные объединения. На место племен является новая историческая единица - область, земля, княжество. Областные объединения славян не совпадают с племенными. Они переkreщивают их. К XI в. политический союз русских племен привел к образованию 13 княжеств (Киевского, Черниговского, Новгород-Северского, Переяславского, Галицкого, Волынского, Полоцкого, Смоленского, Муромо-Рязанского, Владимиро-Суздальского, Турово-Пинского, Новгородского, Тьмутараканского), большая часть которых (все, кроме Галицкого, Волынского, Рязанского, Новгородского) объединила разные племенные группы и говоры.

Киевское государство стало собирателем восточнославянских племен. На далеком от Скандинавии юге варяжские выходцы быстро ассимилировались в восточнославянской этнографической среде.

В XI в. осуществилось в древней Руси коллективное единоедержавие киевской династии, и тогда же родилась идея единства Русской земли, идея единства русского языка. Киев стал вооруженным лагерем слагавшейся "империи Рюриковичей". Образование русского государства вовлекло отдельные русские племена в общую политическую жизнь. Под влиянием этого политического единения, живого общения между племенами, стирались их этнографическая и диалектальная обособленности. Несмотря на широкое географическое распространение восточнославянских племен, несмотря на то, что одни из них (восточные) втягивались в сферу хазарской культуры, другие (северные) занимали районы балтийской культуры, наконец, третьи (южные) оставались в сфере культуры византийской и черноморской, - культурное единение восточнославянских земель, вовлеченных в "империю Рюриковичей", укрепило их языковые связи и определило надолго общность их языковой жизни.

Можно предполагать, что начатки восточнославянской письменности предшествовали возвышению Киева как политического и культурно-просветительного центра. Однако Киев, сделавшись самым обширным городом Европы (по свидетельству Титмара, 1019), соперником Царьграду (по словам Адама Бременского), стал центром восточнославянской культуры и колыбелью общерусского языка. В этом международном городе вырабатывался "общий" язык восточнославянской империи, своеобразное "койнэ", в котором стирались и умерялись резкие диалектальные особенности разных восточнославянских племен. В основе языка Киева лежала речь южнорусских славян, но этот городской язык, выполнявший сложные культурно-политические и образовательные функции, подверженный международным влияниям и отражавший разнообразие культурной жизни высших классов, был отличен от речи сельских жителей земли полян не только по словарю и

синтаксису, но и по звуковым особенностям. В нем было много иноязычных элементов, культурных, общественно-политических, профессиональных и торговых терминов. Он включал в себя слова разных славянских диалектов. Язык Киева влиял на язык других городских центров. "Городские слои Новгорода, Ростова, Смоленска и других городов под влиянием прибывших с юга княжеских дружинников, княжеских тиунов, торговых людей и духовенства могли сглаживать те или иные областные особенности своей речи", усваивая общерусский язык (А. А. Шахматов). За городом должна была идти и деревня. Объединяющая роль языка Киева сказалась в истории русского языка XI-XII вв. и даже начала XIII в. Акад. А. А. Шахматов приписывал влиянию государственного единства значительную общность языковой жизни древней Руси XI-XIII вв., несмотря даже на развивающуюся с конца XI-начала XII в. тенденцию к феодальному обособлению отдельных политических организаций. Объединяющее влияние сложившегося в Киеве общерусского языка можно видеть в тех общих явлениях, преимущественно лексических и морфологических, но также и звуковых, которые охватили все говоры русские в такую эпоху, когда отдельные ветви восточных славян уже значительно обособились, расселившись на огромном пространстве Восточной Европы. К числу таких общих явлений относятся: падение глухих (ъ, ь) и переход их в *o* и *e*; утрата беспредложного употребления местного падежа имен существительных; замена формы им. над. формой вин. над. в именах м. рода (кроме названий лиц), а во мн. числе и в именах ж. рода; смешение твердого и мягкого склонения существительных; утрата двойств, числа; утрата в народных говорах форм имперфекта и аориста, утрата достигающего наклонения и т. п.

2

Образование общерусского языка создавало все необходимые условия для возникновения древнерусского литературного языка. В эпоху средневековья письменность была тесно связана с культовым языком, который являлся в то же время языком средневековой науки. Общеславянский письменный

язык начало свое получил за пределами Руси. Он формировался из славянского языкового материала при посредстве высокой греческой литературной и филологической культуры.

Организация государственной власти у европейских народов, отходивших от родового быта, обычно осуществлялась посредством прививки христианской культуры и цивилизации, вовлекавшей варварские народности в орбиту политического влияния Западной Римской или Византийской империи. Римско-германское миссионерство боролось с византийским. Восточнославянские племена оказались в сфере византийско-христианской культуры. Греческий язык не получил на Востоке того исключительного господства, какое имел на Западе латинский. На Западе никогда место латинского языка как языка культа и науки не уступали языку варварскому. Византия же не противодействовала славянам усваивать богатства византийской культуры при посредстве своего славянского литературного языка.

Простое применение греческого алфавита, хотя бы и осложненного новыми знаками, к передаче славянского языка не могло удовлетворить славян в то время, как в Моравии созрела идея создать огромную славянскую империю. Так возникает славянский алфавит, составленный греческим миссионером и ученым филологом Кириллом (Константином) с миссионерскими целями. Славянский язык наряду с греческим, латинским и еврейским становится литературным языком, языком христианского культа. Он начинает развиваться как язык цивилизации и литературы, обогащенный греческими и латинскими элементами.

Создание славянского литературного языка и принятие славянами христианства с богослужением на славянском языке было самым значительным культурным фактором, объединившим на время в IX-XI вв. все славянство. Выступая на арену широкой европейской жизни, славянство добивается равноправия своего литературного языка с греческим и латинским - двумя международными языками европейского средневековья.

Восприняв идеологическое богатство греческого и латинского языков, усвоив сложные формы синтаксического построения,

отчасти созданные по нормам византийской риторики, старославянский язык, опиравшийся на болгарскую фонетико-морфологическую базу (ср. неполногласные формы *жд* и *шт* на месте *dj* и *mj* и т. п.), вступил в ранг культурных международных языков Восточной Европы. Этот общеславянский письменный язык становится не только церковным, но и литературным языком всего славянского мира: в конце X и в XI в. на нем пишут, читают, проповедуют и служат и в Новгороде, и в Киеве, и в Преславе, и в Охриде, и в Велеграде, и на Сазаве. Произведения на этом языке, возникшие на юге славянства, переписываются и читаются и в Чехии, и на Руси, равно как и написанные в Чехии - и на Руси, и на Балканах. Нет указаний на пользование старославянским языком как литературным у лехитских и лужицких славян. Но известны тесные политические и культурные связи поляков и верхних лужичан с чехами в X и в XI в. и культурные связи русских и поляков в XI в. Единство литературного языка является симптомом тесного культурно-политического единения.

Только с того времени, когда немецкое духовенство с помощью князей в Паннонии, Чехии и Моравии добилось запрещения славянского богослужения и письменности в этих странах, старославянский литературный язык перестал существовать как язык общеславянский. Старославянский книжный язык был пестр по своему составу. В нем скрещивались и сливались разные народно-языковые стихии славянского мира. Церковнославянский язык, кроме болгаризмов и вообще южнославянизмов, включал в себя моравизмы, чехизмы и даже (очень редко) полонизмы. Этот сложный, гибридный характер древнецерковнославянского языка выражался отчасти в фонетических и морфологических колебаниях и вариациях его строя, но и еще ярче - в разнообразии его словаря, его семантики, в богатстве синонимов, в развитой системе значений и смысловых оттенков слов.

Процесс перевода памятников византийской и западноевропейской латинской литературы на старославянский язык сопровождался творчеством новых слов для передачи новых идей и образов или приспособлением

старых слов к выражению отвлеченных понятий.

Переводились сочинения церковно-богослужебные, догматические, исторические, научные, поэтические.

"Славянский язык, на долю которого выпало сразу воспринять такое накопленное веками наследство чужой культуры, вышел из этого испытания с большою для себя честью. Его словарный запас оказался настолько обширным, что и труднейшие тексты не останавливали переводчиков" (акад. В. М. Истрин).

Понятно, что этот литературный язык, вступая на новую этнографическую почву, переходя в Киевскую Русь, проникается здесь элементами живой восточнославянской речи и в свою очередь оказывает сильное влияние на устную речь культурных слоев общества, на общий разговорный язык Киевской империи.

Письменность на славянском языке укрепилась на Руси в X в. Но древнейшие письменные памятники русского языка датируются XI в. Русский письменный язык древнейшего периода развивается в двух направлениях. С одной стороны, вырабатывается и эволюционирует, вбирая в себя элементы живой речи восточных славян, русская разновидность старославянского языка, славяно-русский литературный язык (так называемый церковнославянский язык). С другой стороны, старославянской системой письменного изображения, старославянской азбукой пользуется русский государственно-деловой язык, тесно связанный с живыми наречиями восточного славянства и почти свободный от церковнославянских элементов в кругу бытовой и государственной практики. Есть вполне определенные указания на то, что уже в XI в. возникло это двуязычие. В XI-XII вв. было очень живо сознание различий между общеславянским литературным ("церковнославянским") и живым русским языком. Так, переводчик Хроники Георгия Амартола иногда сопоставляет литературные славянские и русские бытовые обозначения: "*седмиць рекше недѣли нашьскы*"; "*общимь - нашимь гласомь-повознымь*". Ср. в Хронике Георгия Синкелла: "*врачь еже есть цѣлитель*"; "*епилипсию яже кручиною усушаеть*".

Историки русской культуры намечают в начальной истории славянорусского языка два периода: один - до половины XI в., характеризуется тесными литературно-языковыми связями древней Руси не только с южным, но и с западнославянским миром; другой - с половины XI в., когда произошел слом в системе христианского мировоззрения русского духовенства и правящих классов в сторону византийского ригоризма и аскетизма, отличается сильным ростом византийско-болгарского влияния.

Конец IX и первая половина X в. были временем оживленной письменности и литературной работы, происходившей в славянских землях, границы которых соприкасались в X-XII вв. с пределами Южной Руси. Сношения с этими землями не были затруднены. Через эти владения с давних пор пролегли торговые пути, сближавшие Восток с Западом. Лексика древнерусского книжного языка сохранила следы заимствований церковных и нецерковных терминов, сложившихся у западных соседей Киевской земли, правители которой уже с половины X в., начиная с детей Игоря, носили славянские, а не варяжские имена. Географические названия и названия городов в западнославянских землях нередко те же, что и в Киевской Руси. Даже в самой летописи имеется ряд слов и выражений, сближающих ее с паннонскими жителями и с остатками древнейшей чешской письменности. Такие слова, как *папежь*, *оплатъкъ*, *перегъбы*, *сустуги*, *кмети* и т. п., могли и не путешествовать предварительно в Болгарию. Целый ряд других слов встречающихся в древнейших памятниках русских, также может быть оправдан западнославянским употреблением, например *цесарь* (а не *кесарь*), *греческий* (а не *ellenikos*), *грудень*, *вежа*, *дружина*, *заповедь*, *неприятнь* (дьявол, *inimicus*), *поганый*, *палата*, *правая вера* и т. п.

Акад. В. М. Истрин допускал возможность участия западных славян в развитии древнерусской письменности и для более позднего времени, до XI в. Так, естественно предположить, что при организации переводческого дела при Ярославе были вызваны для помощи южные, а может быть, и западные славяне.

[Ср. западнославянизмы в русском переводе Хроники Георгия Амартола: *выклонитися* (в значении 'высунуться'), *мукарь* (в значении 'мучитель'); *образьник* (ср. чеш. *obraznik*); *пискуп* - 'епископ'; *чесновитъкъ* - 'чеснок'; *ячьмыкъ*; *крижъма* и др.]. Церковно-богослужебные тексты могли перейти на Русь и до крещения всего народа. Поэтому нет достаточных исторических оснований отождествлять начало киевской письменности и культуры с переходом болгарской литературы на Русь. Правда, язык и графика древнейших русских рукописей свидетельствуют о сильном культурном влиянии Болгарии на русскую письменность XI-XII вв. Перешедшая к нам из Болгарии древняя церковнославянская литература составила главный фонд русской литературы. Но в составе древнерусской письменности обнаружен целый ряд переводных памятников с латинского языка, относящихся к трудам западнославянских переводчиков. Надо думать, что "официальному крещению русского народа предшествовал подготовительный период в истории русского просвещения и русской письменно-языковой культуры" (В. И. Ламанский). Иначе было бы необъяснимо и непонятно, как из 5-7-летних ребят, крещеных со своими отцами и матерями по приказу княжескому в конце X в., мог через 30-40 лет явиться на Руси целый ряд известных и неизвестных деятелей христианской культуры, письменности и литературы (например, Упырь Лихой, дьякон Григорий и др.). В одно или два поколения писцов и книжников не могли сложиться такой русско-славянский или славянско-русский язык, стиль, правописание, какие мы видим, например, в Остромировом евангелии, в Служебных Минеях 1095-1097 гг. или у первых древнерусских писателей.

Однако подавляющее большинство литературных памятников, сохранившихся от Руси киевского периода, отражает византийско-болгарское влияние.

В церковнославянском языке был широко распространен принцип калькирования, буквального перевода греческих слов. Этим путем язык обогащался множеством отвлеченных понятий и научных терминов. Например *беззаконие* (*anomia*), *бездушие* (*apsukhia*), *богословие* (*theologia*), *совесть*

(syneidesis), *согласие* (symphonia), *предтеча* (prodromos), *предатель* (prodotes) и др.

Эта волна отвлеченной терминологии, передававшей религиозные, нравственные, философские, научные и т. д. понятия, имела громадное значение для развития русской культуры.

Среди сложных слов, образованных по греческому образцу уже в первые века русской письменности, можно отметить множество, таких, которые живы и в современном русском языке, например: *кръстоносъць, многообразие, народовластие, плотояднъ, раболъпнъ, самолично, несущьствнъ* и мн. др. под.

Уже в половине XI в. русские книжники могли свободно владеть общеславянским книжным литературным языком. Такие блестящие и разнообразные по языку и стилю древнерусские произведения XI в., как "Слово о законе и благодати" митр. Илариона и летопись, такие замечательные памятники каллиграфического искусства, как Остромирово евангелие и Изборник Святослава, говорят о высоте литературно-языкового развития древней Руси XI в. Славяно-русский язык в феодальной Руси выполняет все важнейшие общественно-политические и культурные функции будущего национального русского литературного языка; но вместе с тем это язык не национальный, а международный и притом в основном только письменный, т. е. язык специального назначения.

"Это был ставший литературным язык церковнославянский, в основе которого лежал язык староболгарский в его обоих диалектах - восточном и западном, и с некоторой долей языка чехо-моравского, проникшего в него еще частью в самой Моравии в самом начале славянской письменности, а частью уже позднее, в X-XI вв., под пером учеников Кирилла и Мефодия, переселившихся в Болгарию после изгнания их из Моравии. На этом языке русские люди впервые услышали книжную славянскую речь, которая, однако, была им вполне понятна... Каждый русский книжный человек усваивал этот язык, ставший для него языком литературным" (В. М. Истрин). Русская стихия с силой врывалась в этот язык.

Однако слов бытовых, обозначающих обыденные отношения повседневной жизни, в этот литературный язык проникало мало вследствие однообразного характера начальной славянской письменности, замыкавшейся в круге житий и поучений. Исторические и повествовательные сочинения, где чаще можно было встретить этого рода словарный материал, играли второстепенную роль. Например, в древнерусских памятниках встречаются такие народные слова, как *окорок, улица, мясник, мошница, насад, кочан, лавица, кадь, шелк, лохань, зобати 'есть', насочити 'найти', уранитися 'рано встать', земець, корста 'гроб', мовница, наговорити* (в значении 'наклеветать'), *обложити* (об осаде), *осада, пуца, пополошитися* (ср. *всполошиться*) и мн. др. под.

В древней Руси не возникло отчуждения книжного языка от народного. Древнерусские переводчики и писатели свободно сочетали литературно-славянские слова с русскими. Кальки греческих фраз не ломали восточнославянской семантики, например, в летописном выражении: "*утереть много пота за русскую землю*" (ср. греч. *'idrota apomattesthai*; ср. в "Александрии": *утерети пота*).

Но русский элемент мог ярко проявить себя только в таких статьях, в которых приходилось касаться сфер бытовой, общественной, отчасти военной. Таким образом, славяно-русский язык не мог вовлечь в свою систему целиком разговорную общерусскую речь. С другой стороны, общерусский язык, сложившийся в Киеве, не мог резко изменить свою семантику, свой строй и образы под влиянием языка славяно-русского, так как уходил своими корнями в живую устную речь восточных славян. Взаимодействие этих двух языков не могло стереть фонетических, грамматических, лексических и семантических различий между ними. Поэтому Киевская Русь пользуется обоими этими языками в своей письменности, но в разном объеме и в разных идеологических сферах.

Унаследованная от языческих времен устная словесность и христианская литература в своем стилистическом развитии пошли разными путями. Словесность народная с ее песнями, сказками, пословицами, мифическими сказаниями, с целым рядом народных произведений, еще не оторвавшихся от

мифической обрядности, находила лишь случайное и бледное отражение в славяно-русском языке, особенно с XIII в. Правда, связь древнерусского письменного языка XI-XII вв. с живой устной восточнославянской стихией была гораздо более крепкой и тесной. Она коренилась в самом характере раннего древнерусского христианского мировоззрения, еще не искаженного византийским аскетизмом, и в прочности дохристианской обрядно-бытовой и народно-поэтической традиции. В эпоху художественного расцвета Киевской Руси (XI-XII вв.) развивается светская рыцарская поэзия на общерусском языке, зафиксированная в письменной форме. Она претендует на равноправие с клерикальной церковнославянской письменностью. Даже в конце XII в. простой народ в самых коренных основах своей жизни держался дохристианской старины (Ф. И. Буслаев). Вместе с тем обычное право, юридические нормы, государственное делопроизводство, тесно связанное с традициями живой восточнославянской речи, не могли не приспособить славянской системы письменного изображения речи для своего закрепления. И тут проявляется живая струя устной русской речи, так же как и в народно-поэтических произведениях.

Интересно, что в языке "Русской правды" (по древнейшему списку 1282 г.) наблюдается почти полное отсутствие церковнославянизмов. Очевидно, письменная передача лишь закрепила готовый, обработанный устный текст: кодификация произошла в живой речи, а не на письме (А. А. Шахматов). Писцы княжеской канцелярии в то время на Руси еще не успели выработать строго стилизованного на церковнославянский лад письменно-делового языка (хотя они и учились грамоте по церковнославянским книгам). Язык "Русской правды" позволяет обнаружить и иноязычные примеси в составе русской письменно-деловой речи древнейшей поры.

В языке "Русской правды" в небольшом количестве встречаются скандинавизмы, например: *тиун*, *гридь*, *вира*, *вирьник*, *колбяг* и нек. др.

Любопытны слова, которые могут свидетельствовать о некоторой близости древнерусского языка к

западнославянским языкам, например *убородок* (мера вместимости; ср. чеш. *ouborek*; впрочем есть и серб. *уборак*); *бъртъ* (чеш. *brt*) и др. (Е. Ф. Карский).

Попадают и тюркизмы: *ногата* (ср. *pagt* 'деньги' в *Cod. Cumanicus*), *старица* 'месячина, участок земли'; ср. тюрк. *стар*, *товар*.

Живой общерусский язык ярко проявляется и в летописном стиле XI-XIII вв. "Что на язык нашего древнего летописца должна была налечь сила книжного языка старославянского, - писал акад. И. И. Срезневский, - это не удивительно: все стремления образованности того времени этого требовали. Удивительно скорее то, что, несмотря на все требования образованности, русский летописец мог задерживать в своем языке его русские особенности; их так много..." [ср., например, в лексике: *хвостатися* 'париться'; *лапотъ*, *лапотник*; *лих* 'худой и злой'; *рубити*, *срубити город*; *ряд*, *усобица* и т. п.].

В языке летописей ярко отражается быт восточных славян и связанная с ним терминология. На основе летописи можно составить своеобразный реально-энциклопедический словарь живой народной восточнославянской речи. Ср. такие слова, как *дым* (*печь*, *очаг*, откуда областное название изб *дымницами*), *рало* (плуг), *вежа* [1) дом; 2) палатка, балаган], *одрина*, *баня*, *голубник*, *стреха*, *село*, *весь*, *погост*, *город* и т. п.

Таким образом, многочисленные русские летописи, в отдельных своих частях восходящие к середине XI в., но сохранившиеся в списках XIV в. и позднейших, по языку заметно выделяются из круга памятников, написанных на славяно-русском языке. Они содержат гораздо большее число русизмов, и некоторые эпизоды их изложены чисто русским бытовым языком.

Вместе с тем южный период истории русского языка сохранил отголоски стилей народной поэзии, переходившей в светскую литературу.

Высшим художественным выражением восточнославянского народно-поэтического творчества эпохи Киевской Руси является язык "Слова о полку Игореве" (конец XII в.). По словам К. Маркса, "вся песнь носит христиански-героический

характер, хотя языческие элементы выступают еще весьма заметно" [1]. Уже этой характеристикой определяется смешанный тип языка "Слова о полку Игореве".

Автор "Слова о полку Игореве" широко знаком с книжными светскими и религиозными произведениями, но не чуждается родных образов восточнославянской народно-поэтической речи (ср. близость языка "Слова о полку Игореве" к языку Ипатьевского списка летописи. Основа языка "Слова" - народно-поэтическая стихия и живая устная восточнославянская речь.

Ср., например, с характеристикой Бояна стихи в былине о Вольге:

Стал Вольга растеть-матереть;
Похотелоя Вольге много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему в глубоких морях,
Птицей-соколом летать под оболака,
Серым волком рыскать во чистых полях
(Рыбн. 1, 10).

Из других стилистических пластов русской речи ярче всего отражается в языке "Слова" лексика и фразеология военнo-дружинного рыцарского быта, общая с летописной. *Всести на конь, ездить в стремени, пить шеломом Дон, итти на суд божий, стати на болони, изломити копье свое, добыть копьем, стоять за обиду, потоптать полки, ходить по трупью, аки по мосту, повоевать жизнь, пожечь всю жизнь* и другие подобные летописные выражения почти буквально повторяются в "Слове".

Кроме военной терминологии и фразеологии, в "Слове" с чрезвычайной выразительностью использованы выражения и образы охотничьего диалекта (например: *дотечаше; Коли сокол в мытех бывает, высоко птицъ възбивает, не дает гнѣзда своего в обиду* и др.).

Характерно также, что третью цепь образов и выражений, соединенную в языке "Слова" с военной фразеологией, составляет терминология земледельческого быта (*На Немизѣ снопы стелют головами, молотят чепи харалужными, на тоцѣ живот кладут, вѣют душу от тѣла. Немизѣ кровави*

брезіь не бологом бяхуть посіьяни, посіьяни костьми русских сынов).

Черты сельского народного быта, послужившие автору образами для кровавой битвы, показывают, как глубоко корни "Слова" тянутся к русской народности.

Большое число старых русизмов в дошедшем до нас тексте "Слова о полку Игореве" заставляет предполагать, что они принадлежат первоначальному тексту "Слова" и что там русизмов было значительно больше, чем в мусин-пушкинском списке XV-XVI вв., т. е. что язык "Слова о полку Игореве" не отличался резко от живой русской речи XII в. и от устной народной поэзии того времени. Даже образы, уже укрепившиеся в строе русской книжной речи той эпохи, в "Слове о полку Игореве" имеют народно-поэтическую форму. Например, в переводной повести Иосифа Флавия - *Стрільы на нїь лїьтахоу, акы дождь*; в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях - *идяху стрїьлы, аки дождь*; в "Слове" - *итти дождю стрїьлами*.

Однако при всей близости языка "Слова" в народной поэзии очень явственна связь его и со славяно-русским языком и со стилями византийской литературы.

Так, в сопоставлении: *Боян же, братие, не десять соколов на стадо лебедїь пущаше, нъ своя вїьцїа прѣсты на живая струны вѣскладаше; они же сами князем славу рокотаху* - нельзя не усмотреть связи с церковнославянскими глоссариями, в которых раскрывалось образное значение выражений и символов псалтыри. Например, в Изборнике XIII в.: *струны-персти*. Ср. в "Слове о пророцѣх": *Глаголаше Давид, сїьдя в преисподнемь адїь, накладая многоочитая персты на живыя струны*.

К литературно-книжной фразеологии принадлежат такие выражения "Слова", как *истягну ум крїьпостию своею и поостри сердце своего мужеством; храбрая мысль носит ваш ум на дїьло; растїькашется мыслию по древу*; ср. *скача, славию, по мыслену древу* и др. под.

Самый зачин "Слова о полку Игореве" и название Бонна "пѣснотворцем" (греч. *odoroios*) находит параллели в одном из слов Кирилла Туровского, блестящего церковного писателя конца XII в. Сопоставление поэтического языка "Слова о

полку Игореве" с лексикой и фразеологией древнего перевода библейских книг, произведенное акад. В. Н. Перетцем, обнаружило заметную зависимость "Слова" от семантики церковно-библейской речи в отдельных выражениях и образах.

Вместе с тем в языке "Слова" отражается влияние византийской литературы. В Киевской дружинной Руси XII в. были уже *мужи хитры книгам и учению*, существовала уже развитая литературно-повествовательная школа, которая с ясным и непосредственным разумением относилась к "еллинской словесности" и обладала своеобразным стилем, который ярко сказывается как в летописях, так и в переводе Флавия, в "Девгеньевом деянии" и в других воинских повестях. Литературный стиль этой школы, кроме византийской письменности, обязан своим происхождением предшествовавшему эпическому направлению дружинной литературы и источнику живого языка русского, народного. Даже в кругу охотничьей лексики и охотничьих образов "Слова о полку Игореве" отмечены акад. В. Ф. Миллером следы византийского влияния.

Показательны и такие грецизмы "Слова": *наполома* и *пардуже* 'гнездо' в изображении сна Святослава.

Кроме того, в языке "Слова" встречаются и тюркизмы, например (по указанию проф. П. М. Мелиоранского) *бусый* (ср. половецк. *вохаг* - 'серо-белый'), *коган*, *кощей*, *ногата*, *харалуг*, *чага* и др.

Таким образом, в эпоху Киевской Руси русский литературный язык быстро развивается в двух направлениях: язык народный обогащается художественным опытом книжной литературы; язык славяно-русский проникается стихией живой восточнославянской речи. Промежуточное положение между этими двумя разновидностями древнерусской литературной речи занимает деловой язык, язык грамот и договоров.

Язык грамот далеко не всегда отражал непосредственно живую речь. В разных типах грамот с течением времени вырабатывались свои застывшие формулы, далекие от живого языка. Эти формулы повторялись иногда из века в век, хотя уже давно не соответствовали современному состоянию бытовой речи.

Стиль русских переводов с греческого, относящихся ко времени не позднее начала XIII в., ярко показывает, на какой высоте находилась литературная образованность Киевской Руси. На этих переводах лежит печать сознательного и самостоятельного отношения к оригиналам, далекая от тех механических переложений, какими нередко являлись югославянские переводы. Особенно ярок и выразителен стиль "воинских повестей". Была тщательно разработана терминология и фразеология военной техники; был создан богатый арсенал образов, символов и поэтических картин боя и воинских подвигов; сложились тонкие художественные приемы изображения доблестных рыцарских чувств и патриотических настроений. В переводах встречаются, для придания большей картинности и ясности мысли, такие фразеологические вставки, которым нет соответствий в оригинале.

Эта высокая культура русского языка, основанная на взаимодействии народных восточнославянских и книжных славяно-русских ("церковнославянских") элементов, передается и последующей литературе Северо-Восточной Руси (ср., например, язык "Слова о погибели русской земли", XIII в.).

Но в общем в период, предшествовавший образованию Московского царства (XI-XIV вв. - века пергамена), спрос на книжную мирскую поэзию был очень ограничен безграмотностью низших слоев общества, далеко еще не сполна приведенных к христианству. Письменность, оказываясь преимуществом христианизированных классов - духовенства (монашеского на своих верхах) и княжеско-боярской и дружинной среды, чаще всего служила орудием новой веры. Эстетику мирянина, поскольку она не удовлетворялась церковью, питало устное, песенно-сказочное творчество. Но и для эпоса, и для новеллы отсутствовала живая потребность в передаче на письмо. Литературное писание было "священно". Господствующая стихия в древнерусской письменности - это публицистика на религиозной подкладке. Развитие публицистической речи было связано с ростом византийского влияния на славяно-русский язык.

Исследователями древнерусской культуры (например, акад. Н. К. Никольским) отмечен рост византийского влияния в древнерусском литературном языке с XII в., особенно в области церковной письменности. Греческие образы, эпитеты, метафоры в русских произведениях XII в. составили необходимый результат заимствования из греко-славянских памятников, сроднившихся с русским мировоззрением и сделавшихся целью, идеалом для русских авторов (ср., например, зависимость языка "Поучения" Владимира Мономаха от языка "Заветов XII патриархов").

В "Послании" русского духовного писателя XII в. Климента Смолятича Фоме пресвитеру есть указание, что образованные русские книжники XII столетия могли свободно цитировать наизусть из византийских "схедографических" лексиконов (т. е. из орфографических и стилистических словарей) на альфу и на виту (и, конечно, на другие буквы алфавита) даже по 400 примеров подряд.

Усиление византийско-книжной струи в церковных стилях славянорусского языка было связано с вытеснением и стеснением народно-поэтической стихии в нем. Несмотря на это, славяно-русский язык служил могучей культурно-объединяющей силой в период развивавшегося в XII- XIV вв. (после упадка "империи Рюриковичей") феодального раздробления древней Руси.

Несомненна тесная преемственная связь литературно-языкового развития Северо-Восточной (Ростово-Суздальской, а затем Московской) Руси с Русью Киевской. Язык, на котором писаны древнерусские книги религиозного, повествовательного, исторического, научного содержания, был общелитературным языком русского севера, юга и запада. Язык литературных произведений, язык славяно-русский, остаётся межгосударственным, общерусским языком в период феодальной раздробленности. На почве этого языка развиваются методы научного изложения, вырабатывается отвлеченная философская терминология, эволюционируют приемы поэтического выражения и риторического воздействия. Между тем распадающийся на поместно-территориальные диалекты язык деловой письменности отражает и изображает действительность для удовлетворения

практическим потребностям "как план или карту, а не как картину" (А. А. Потебня).

3

Для эпохи раннего феодализма характерны территориальная замкнутость и разобщенность экономической и политической жизни и в связи в этом - территориальная раздробленность восточнославянских наречий и говоров. Объединяющие тенденции ослабевают. Племенные говоры и наречия восточного славянства, прошедшие сквозь сложный процесс смешения с языками дославянского населения Восточной Европы, по-новому кристаллизуются в границах феодальных территорий.

Не подлежит сомнению, что образовавшийся в главном культурном центре древней Руси, в Киеве, тип общего русского языка был устойчивее и определеннее в самом Киеве, чем в зависимых городах, например таких, как Новгород, Галич или Смоленск. Язык центра более крепко оберегал свои орфографические и грамматические нормы. В областных государствах диалектальные черты выступали свободнее и резче.

До середины XII в. центростремительные тенденции в речи восточного славянства, поддержанные образованием "империи Рюриковичей" и мощным влиянием киевского политического центра, мешали резкому обособлению отдельных феодально-областных языков. Но с конца XI в. распад "империи Рюриковичей" и рост феодальной раздробленности ведут к углублению различий между южнорусскими и севернорусскими говорами. Процессом, в котором это языковое дробление восточного славянства на отдельные ветви сказалось чрезвычайно ярко, было так называемое падение глухих (*ъ* и *ь*), протекавшее со второй половины XII в. Исчезновение слабых глухих повело к переходу сильных в гласные полного образования; позднее всего произошло прояснение глухих в сочетаниях с плавными. В южнорусском языке "падение глухих" завершилось во второй половине XII в. (ср. удлинение *e* в слоге перед выпавшими *ъ* и *ь* в Добриловом евангелии 1164 г.), в севернорусском - в половине XIII в. (ср. сохранение *ьр*, *ьр*, *ьл*

в Милятином евангелии 1215 г.). Следствия этого процесса обнаруживаются различно для южнорусского и севернорусского наречий [ср.: 1) разную судьбу сочетаний *рѣ, рь, лѣ, ль* между согласными; 2) различную судьбу звонких согласных, за которыми исчезали глухие; 3) разную историю *о, е* в слоге перед выпавшим полукратким; 4) сильное развитие "второго полногласия" в севернорусском и другие последствия "падения глухих", неодинаково протекавшие на севере и юге древнерусской территории]. Образование феодально-областных государственных языков привело к новой группировке восточнославянских наречий, которая затем, в зависимости от политической судьбы разных отдельных феодальных объединений, завершилась возникновением трех национальных языков - великорусского, украинского и белорусского.

Феодально-областными изменениями в составе и структуре восточнославянских языков создавалась база для последующего схождения местных наречий в национальные языки.

В XII в. уже очень рельефно сказывается в памятниках это феодально-территориальное обособление восточнославянских говоров. Так, рукописи, появившиеся в Галицко-Волынском княжестве, со второй половины XII в. отражают новое правописание, явно противопоставленное киевскому и приспособленное к местным особенностям живой речи (например, своеобразное употребление *іь* на месте долгого *е, жч* и др.). Возникновение нового правописания в Галиче свидетельствует о том, что Галицко-Волынское княжество стремится стать независимым от киевского центра даже в таких вещах, как правописание. Эта тенденция сказывается и в своеобразии литературно-художественного стиля, развивавшегося в Галицко-Волынской области.

В Галицко-Волынской области уже в домонгольский период выработалась литературная манера, отражавшаяся с XII в. и на произведениях других областей Руси (может быть, и на "Слове о полку Игореве"). Еще акад. И. В. Ягич высказал гипотезу, что "на юге России, где духовное просвещение поддерживало более тесные сношения с Константинополем и южными славянами, господство чистого церковного языка

продолжало быть сильнее и сознательнее, чем на далеком севере, завязавшем очень рано сношения с западным иноземством".

И. И. Срезневский отметил в Новгородских летописях до XV в. более разговорную, народную окраску языка и сильную примесь областных севернорусизмов.

По наблюдению акад. Б. М. Ляпунова, Новгородская летопись XIII-XIV вв. кишит полногласными формами. С. П. Обнорский с этой народной окраской новгородского литературного языка ставил в связь отсутствие славянизмов в языке "Русской правды".

Различия языка, например, Новгорода и Рязани состояли не только в фонетических и морфологических особенностях (ср. отраженья аканья в рязанских памятниках, формы, род. пад. местоим. *мене, тебе, себе*; смешение *иь* и *и* в новгородских памятниках; в них же смешение формы род. и дат.-местн. пад. от слов женского рода на *-а*; формы местн. пад. на *и* от твердых мужских основ и т. д.), но и в своеобразиях словаря. Так, для новгородских деловых памятников характерны заимствованные из Западной Европы термины мореплавания и судоходства: *шкипер, буса, ребела* и т. п.; названия мер: *ласт, берковеск* и др. под. Кроме того, рельефно выступают и свои новгородские слова и значения: *в дернь* или *в одерень, собина, рядовичи, кром* (агх), *посад* 'город', *ларец* (агса), *шелоник, голоменный* и т. п.

Язык Псковской области характеризуется целым рядом шепелявых звуков (обнаруживающихся в смешении *ч-ц, ш-с, ж-з*, иногда *щ* вместо *шц*), своеобразными изменениями в произношении конечных *е* и *а* после мягких согласных, севернорусским *жч*, а позднее целой группой явлений, отражающих белорусское влияние на язык древнего Пскова: твердым *р*, аканьем, меной *у* и *в*, заменой *ф* через *х* и др. История Псковской земли объясняет все разнообразие ее говоров: здесь происходила борьба новгородского влияния с влиянием Литовско-русского государства.

Феодално-областные диалекты, разрушившие, видоизменившие и смешавшие структуру и границы восточнославянских племенных языков, мало изучены. (Ср. работы акад. А. А. Шахматова о языке новгородских и

двинских грамот, работы акад. А. И. Соболевского о галицко-волынском, псковском и полоцко-смоленском говорах, проф. Н. М. Каринского о языке Пскова и его области и нек. др.). Разница в словарном составе феодально-областных языков почти не была предметом специального лингвистического изучения. Так, показательно, что автора "Хождения Арсения Селунского" (XV в.) проф. А. В. Марков на основании данных лексики памятника считал белорусом, акад. С. П. Обнорский - болгарин, а акад. А. И. Соболевский - московским приказным.

Правда, к некоторым заключениям о составе, структуре и соотношении русских территориальных диалектов средневековья можно прийти на основании изучения различий в крестьянских диалектах позднейшей эпохи. Иногда в географических границах областных народных говоров отражаются следы феодально-государственных делений. Исторический анализ областных словарей помогает открыть в крестьянской лексике пережитки феодальной разобщенности. Однако, как показали диалектологические исследования (акад. А. А. Шахматова, А. И. Соболевского, проф. Д. К. Зеленина, Н. М. Каринского и др.), позднейшие колонизационные передвижения, социально-экономические факторы и политические перемены, влияние общенационального русского языка сильно изменили картину географического распределения территориальных диалектов феодальной эпохи, особенно в области южновеликорусской.

"Наибольшее стирание диалектических границ не только в области морфологии и фонетики, но и в области лексики наблюдается в так называемых переходных или в средневеликорусских говорах, больше всего подвергнутых влиянию литературного языка и являющихся продуктом относительно недавнего времени" (Ф. П. Филин). Именно в этой средневеликорусской полосе возникли феодальные государственные объединения, которые затем стали центрами складывающейся великорусской народности.

Образование крупных феодальных государств немало содействовало взаимному сближению и слиянию в один народ нескольких политико-экономических, этнографических и лингвистических единиц. В период роста национальной

концентрации великорусов около Ростова, Суздаля, Владимира, затем Москвы по окраинам Великорусии находились сложившиеся крупные политические организации, почти независимые от среднерусского центра: великие княжества Тверское, Рязанское, Нижегородское, а на северо-западе - "народоправства" Великого Новгорода и Пскова, автономные во внутренних делах.

4

Колыбелью великорусской народности была область Ростово-Суздальская, из которой выросло Московское государство. В течение двух столетий - со второй четверти XIV, кончая первой четвертью XVI в. - Москва объединила все области, занятые севернорусами, и восточную половину среднерусских княжеств.

Москва находилась в центре великорусской территории на стыке разных диалектальных групп. На юге и западе от Москвы в непосредственном соседстве с городом простирались южновеликорусские поселения, на севере и востоке - северновеликорусские. Этнографический состав самого московского населения был пестр и разнороден. При начале политического роста Москвы в ней разные слои общества говорили по-разному, одни - по севернорусски, другие - акали. Акад. А. А. Шахматов высказал предположение, что высшие классы Москвы в XIV-XV вв. пользовались преимущественно севернорусским наречием. "Московская культурная жизнь преимущественно была связана с севернорусскими центрами; боярство, духовенство, дьяки потянулись в Москву из Владимира, Ростова, Суздаля, Переяславля и других старших городов". Но ни в XIV, ни в XV в. Москва не могла еще выработать своего языка, создать "койнэ", общегосударственный язык. Диалектальные различия русского языка все еще расценивались как равноправные, несмотря на быстрый рост влияния государственного языка Москвы.

В конце XV - начале XVI в. удельные княжества одно за другим поглощаются Московским государством (в 1463 г. Ярославль, в 1474 г. Ростов, в 1485 г. Тверь, в 1517 г. Рязань). Теряют свою вольность и становятся областями Московского

царства вольные севернорусские "народоправства" (Новгород в 1478 г., Вятка в 1485 г., Псков в 1510 г.). Таким образом, в начале XVI в. из феодального союза областей, в известной степени самостоятельных, образовалось Московское государство. В языке этого государства долго еще сказывались следы областного разъединения, которые сгладились только в XVII в. Например, Новгород до половины XVI в. сильно влиял на московскую культуру, поставляя Москве и литераторов, и живописцев, и ученых, а иногда и политических деятелей. Но Московское государство, естественно, должно было насаждать в присоединенных областях свой общегосударственный язык, язык правительственных учреждений, язык московской администрации, бытового общения и официальных сношений. Феодально-областные диалектизмы не могли быть сразу нейтрализованы московским приказным языком.

В XVI в. осуществляется грамматическая нормализация московского письменного языка, который становится единым общегосударственным языком Московского царства. В XVI в. среди областных разветвлений русского письменного языка наиболее выделялись два типа: новгородский и рязанский. Но они уже не могли выдержать конкуренции с языком московских приказов, хотя и не могли не влить некоторых своеобразий своей языковой культуры в общевеликорусский язык.

Первые переводы произведений западноевропейских литератур, сделанные, несомненно, в Московской Руси, относятся ко второй половине XV в. и принадлежат по преимуществу Новгороду. В начале второй четверти XVI в. новгородские переводы сходят со сцены. Переводная деятельность сосредоточивается в Москве, которая усваивает новгородские "европеизмы", новгородские культурные завоевания в сфере языка. Язык Москвы не только вбирает в себя областные слова, создавая из них богатую синонимику, но он с конца XV в. постепенно европеизируется, сначала освоив старые новгородские достижения. Для московского языка предшествующего периода, по сравнению с новгородскими европеизмами, были характерны заметные

следы тюрко-татарских заимствований, чуждых Новгородской области, например, *алтын, армяк, кафтан* и т. д.

В области грамматики московский письменно-деловой язык XVI в. представляется гораздо более регламентированным, чем языки Новгорода или Рязани, в которых свободно проявляются местные особенности живой речи. В связи с этим московский письменный язык кажется консервативным. Он ближе по своему грамматическому строю к славяно-русскому языку. Есть основания думать, что в связи с великодержавными притязаниями Московского царства на роль Великорусской империи, на роль "третьего Рима", московский деловой язык с конца XV - начала XVI в. подвергался сознательной архаизации и регламентации по образцу литературного славяно-русского языка (ср., например, преобладание в XVI в. форм дат. над. местоимений *тебѣ, себѣ* при господстве народных *тобѣ, собѣ* в XV в.).

С половины XVI в. язык Москвы подвергается (по-видимому, в связи с социальными переворотами времен Ивана IV) сильному влиянию акающих говоров и воспринимает основные черты южновеликорусского вокализма. Язык высших слоев московского общества теряет ряд особенностей, восходивших к государственному языку старых великодержавных центров Северо-Восточной Руси (Ростова, Суздаля, Владимира), например оканье, употребление им. над. в функции винительного при инфинитиве (ср. *шутка сказать*) и др.

В московском языке XVI в. развиваются новые фонетические и морфологические явления, которые свидетельствуют об усиливающемся влиянии южновеликорусской народной стихии на складывающийся общий язык великорусской народности. Таковы: переход имен на *-ко* и *-ло* (*Степанко, Михаила, Данило, запевало*) в категорию личных слов на *-а*; проникновение безударных окончаний *-ы, -и* в им. над. мн. ч. слов ср. рода; распространение женских окончаний дат., тв. и предл. пад. мн. ч. *-ам (-ям), -ами (-ями), -ах (-ях)* в других типах склонения и др.

Таким образом, московский приказный язык, почти свободный от церковнославянизмов, к началу XVII в. достиг большого развития и имел все данные для того, чтобы

вступить в борьбу за литературные права с языком славяно-русским. Этот деловой язык применялся не только в государственных и юридических актах, договорах и пр., но на нем же велась и почти вся корреспонденция московского правительства и московской интеллигенции, на нем же писались статьи и книги самого разнообразного содержания: своды законов, мемуары, хозяйственные, политические, географические и исторические сочинения, лечебные, поваренные книги и т. д. Расширяя круг своих стилистических вариаций, этот язык постепенно усиливает свои притязания на литературное равноправие с языком славяно-русским. Элементы этого языка проникали в традиционный литературный и славяно-русский язык и подготовляли создание общенационального литературного русского языка. Однако до середины XVII в. деловой язык московских приказов в сущности не был языком ни художественной, ни тем более философской и научной литературы в собственном смысле. Только со второй половины XVII в. эволюция русского литературного языка решительно вступает на путь сближения с московским приказным языком и с живой разговорной речью образованных слоев русского общества, сокрушая систему славяно-русского языка, который в Северо-Восточной Руси сам пережил сложную эволюцию.

5

Славяно-русский язык в Северо-Восточной Руси сначала продолжал развивать южнорусские, киевские традиции, хотя и подвергался натиску со стороны совсем иных диалектов живой восточнославянской речи. Однако областные видоизменения славяно-русского языка не ломали ни его основного лексического состава, ни его грамматического строя. К концу XIII - началу XIV в. различия между грамматическим строем славяно-русского языка и грамматическими особенностями живых народных говоров углубились, так как грамматика живой речи эволюционировала гораздо быстрее (ср. утрату форм имперфекта, аориста, широкое развитие видовых различий и другие явления живой речи).

Рознь между литературным книжным языком, объединявшим в своем составе три главных элемента - церковнославянский, греческий и русский народный, и между живым русским разговорным языком особенно резко обозначилась с XIV в. "До тех пор, пока в народном языке сохранялись древние формы, т. е. до XIII столетия, оба они находились еще в некотором равновесии и оказывали взаимное друг на друга влияние" (И. И. Срезневский). Различие двух языков еще более усилилось под влиянием той реформы, которая происходила в славяно-русском языке с конца XIV в. в течение XV-XVI вв. и которая известна под именем "второго южнославянского влияния".

Реформа славяно-русского языка падает на время наиболее оживленных сношений Руси с Византией и ее церковно-книжными центрами - Константинополем и Афоном - на вторую половину XIV в. После ослабления этих связей в XII-XIII вв. они возобновились с новой силой под влиянием тех перемен, которые в XIV в. происходили на русской территории (начало создания Московского государства, образование Литовско-русского, судьба Киева и т. д.).

Реформа славяно-русского языка отражает идею государственного и культурного объединения русских феодальных областей в мировую славянскую державу, которая должна воспринять культурное наследство угасавших южнославянских государств и Византии.

Процесс роста и централизации Московского государства совпал со сменой техники книжного дела. Пергамен уступает место бумаге, а уставное письмо - полууставу. Меняется понятие литературности и расширяется его объем. Идеи государственной централизации и национального объединения ослабляют исключительность религиозного мировоззрения. Идеальный подъем великорусского общества сказывается в необычайно быстром расширении состава письменности. "Южнославянское влияние" с конца XIV в. отвечало назревшей потребности. Размеры пришлой со славянского юга литературной продукции были настолько велики, что исследователи "второго южнославянского влияния" (например, акад. А. И. Соболевский) считают

возможным говорить о расширении состава русской письменности почти вдвое.

Новая струя византийско-южнославянского влияния, несшая с собою пышную риторику, политические, религиозные и философские идеи юго-славянских государств, обнаруживается в древнерусском литературном языке конца XIV в. и расширяется в русской письменности XV-XVI вв. Укрепляется своеобразный болгарский (терновский) живописный и украшенный стиль риторического "плетения словес".

Усиливается тенденция к сближению синтаксических и фразеологических форм церковнославянского языка с греческим. Изысканно-книжная южнославянская лексика и фразеология, полная тропов и фигур, насыщенная образами церковной лирики, широким потоком вливается в славянский язык. Устанавливаются новые архаистические нормы славяно-русской графики и орфографии на основе южнославянской, которая, в свою очередь, опиралась на графику греческую. Создается особая огласовка русских слов, далекая от живой речи, создается особый полууставной почерк и особая манера иллюстрирования книг. Славяно-русский язык рукописей до половины XIV в. богат общерусскими и местными особенностями живой речи. Напротив того, церковнославянский язык многих рукописей половины XV в. как бы избегает резких орфографических русизмов, но зато не свободен от древних и поздних болгаризмов. Все это ведет к строгой унификации литературно-книжного языка, уничтожая разноречие как продукт исторических смен и феодального разобщения областных диалектов.

Из Сербии, где перекрещивались славянская, византийская и романская стихии, прививаются к русскому литературному языку идеология и стилистика европейского рыцарства.

В Россию переносится значительное количество новых переводных сочинений, под влиянием которых формируются новые стили литературного языка и появляются новые оригинальные сочинения. В период этого расцвета славянизированного языка русская литература оказалась увеличившеюся почти вдвое, унаследовав литературные богатства Юго-Славии и Византии, отличавшиеся

разнообразием и удовлетворявшие всевозможным потребностям и вкусам культурной верхушки общества. В новом риторическом стиле XV-XVI вв. расширялись и обогащались выразительные средства русского литературного языка. Так, по наблюдениям В. О. Ключевского, Епифаний Премудрый в Житии Стефана Пермского для характеристики своего героя набрал в одном месте 20 разных эпитетов, в другом 25. Разрабатывается область синонимов и синонимических оборотов.

Поворот к книжно-риторическому, славянизированному стилю, вызванный "вторым южнославянским влиянием" с конца XIV в., является чрезвычайно важным этапом в истории русского литературного языка. Без правильной оценки его становится непонятным то большое количество славянских элементов, слов и оборотов, которое до сих пор существует в русском литературном языке. Ведь в XI-XIII вв. влияние русской народной среды резко меняло состав и строй старославянского языка на Руси, его все больше русифицируя и демократизируя. Теперь же, с ростом московского самодержавия, с возникновением идеи "Москва - третий Рим", славяно-русский язык претендует на исключительное значение в сфере высокой литературной идеологии. Величие литературного диалекта, отгороженного от повседневного делового языка и живой речи простых людей, должно было символизировать высоту новой политической идеологии и культурный блеск великорусского государства, выраставшего из недр феодализма.

Ученик Максима Грека Зиновий Отенский (XVI в.) так формулировал новые тенденции литературно-языкового развития; "Я думаю, что это лукавое умышление... людей грубых смыслом возводить в книжные речи от общих народных речей, тогда как по моему прилично книжными речами исправлять общенародные речи, а не книжные народными обещивать".

Курбский в предисловии к "Новому Маргариту" просит читателя внести в язык необходимые исправления: "аще гдѣ погрѣшихъ в чемъ, то-есть, не памятаючи книжныхъ пословиць словенскихъ, лѣпотами украшенныхъ, и вмѣсто того буде простую пословицу введохъ...".

Боярин Василий Тучков, перерабатывая первичный, неприязнительный очерк Жития Михаила Клопского в новом книжно-риторическом стиле макарьевских "Четых-Миней", заменяет, например, русское слово *ширинка* церковнославянским *убрус* и считает нужным во введении подчеркнуть свое знакомство с риторикой, философией и софистикой. В высоком книжно-риторическом стиле образуются искусственные неологизмы по архаическим моделям, куются сложные слова (типа *великозлобство*, *зверообразство*, *властодержавец*, *женочрество* и т. п.). Этот высокий славянизированный язык, противопоставляемый "простой речи", "просторечию", все же считается русским. Даже южнославянские реформаторы церковнославянского языка в XIV - в начале XV в. готовы были признать конструктивной основой нового общеславянского языка именно русскую книжную его редакцию. Так, Константин Костенческий в "Сказании о славянских письменах" выдвигает на первое место "тончайший и краснейший" русский язык.

Показательно, что сделанные в период "второго южнославянского влияния" в XIV-XV вв. переводы с греческого, безразлично кем бы они ни были сделаны и каков бы ни был их текст (наполнен болгаризмами или нет), обыкновенно называются в русских списках переводами на **русский язык**, на **русские книги** (например, повесть о Стефаните и Ихнилате переведена "с греческих книг на русский язык" и т. п.). Таким образом, славяно-русский язык и русская народная речь осознаются как стилистически, эстетически и идеологически неравноценные и социально-дифференцированные стили - диалекты единого русского языка. И все-таки - при пышной риторике византийского типа - новый стиль "плетения словес" не вовсе чуждался народной речи и прибегал нередко к поговоркам и пословицам живого языка. Новый стиль славяно-русского языка XV-XVI вв. был продуктом глубоко самостоятельного отношения к южнославянской традиции.

Так, Нил Курлятев, ученик Максима Грека, упрекал митрополита Киприана - одного из создателей нового южнославянского стиля - в недостаточном знании славяно-

русского языка: "Митрополит Киприан по гречески гораздо не разумел и нашего языка довольно не знал же; аще с ними един наш язык, сиречь словенский, да мы говорим по своему языку чисто и шумно, а они говорят моложаво, а в писании речи наши с ними не сходятся".

В новом риторическом стиле славяно-русского языка иногда пестрели краски живой русской бытовой речи. Так, в Житии Стефана Пермского (начала XV в., автор - Епифаний Премудрый) обращенные в христианство пермяки пересыпают свою церковно-книжную речь к волхву Пиму разговорно-бытовыми словами и выражениями. Это резкое "смешение высокого слога с низким, это несоответствие искусственного языка с грубым цинизмом быта" вообще характерно для стилистической манеры Епифания (акад. А. С. Орлов). Местами Епифаний допускал совершенно живую речь. Так, в противовес московскому насмешливому прозвищу Стефана "Храп", т. е. добивающийся всего "нахрапом", наглым наскоком, Епифаний убеждает читателя, что Стефан "не добивался владычества, ни вертелся, ни тщался, ни наскакивал, ни накупался, ни насуливался посулы".

Точно так же в русской исторической беллетристике XVI в. создан стиль, который объединил всю пестроту предшествующих приемов книжного повествования в однородную, цветистую одежду, достойную величавых идей "третьего Рима" и пышности всероссийского самодержавства. Но сознание преимущества своей национальности, по словам А. С. Орлова, заставляло книжников не так уже сторониться своей народной песни и живого просторечия. Народно-поэтические мотивы и образы вошли в этикетную речь XVI в., например в язык воинских повестей этого времени.

Точно так же в языке Ивана Грозного, по выражению акад. А. С. Орлова, звучит вся гамма разнообразных тонов - "от парадной славянщины до московского просторечия".

Этот изощренный риторический стиль славяно-русского языка XV-XVI вв. удовлетворял художественным вкусам и идейным запросам господствующих классов Московского государства, его социальных верхов. Демократические круги грамотеев разрабатывали даже в области религиозно-учительных сюжетов, идеологически прикрепленных к славяно-русскому

языку, иные стили, близкие к живой речи, к бытовому "просторечию".

Так, в житийной литературе XV-XVI вв. "простые словеса" нередко рассматриваются как особый стиль народно-русского языка, типичный для демократической среды и резко отличный от украшенного слога. "Написати вкратць простыми словесы" (ркпсь собр. Увар., XV в., № 266); писать "простою речию, не украшающе речи"; "простою бесѣдою"; "просто без украшения"; "просторечием якоже поселяне" (Ф. И. Буслаев) - все эти заявления и извинения писателей XV-XVII вв. достаточно ярко характеризуют ту социальную среду, которая литературно разрабатывала живую народную речь, простой разговорный язык с примесью приказно-делового стиля.

Так, первоначальная редакция Жития Михаила Клопского (по списку XVI в.), замечательная отдельными яркими узорами бытового реализма, полна народных слов и выражений: *своитинь*, т. е. 'своjak'; *пратеща* 'мать тещи'; *наземь* 'удобрение' (ср. *а келью топиль наземомъ да, коневым калом*); *пар*, т. е. 'паровое поле'; *погодье* 'ветреная погода'; *налога*, *однорядка*, *тоня*, *досочить* 'выпытать', *скопиться* и т. п. Ср.: "и он у владыки *тергь* (или *дергь*) ширинку"; *волнами великими нача корабль пошибати от дна моря; у сьнець верхъ содрати; хльб оспода да соль* и т. п. Ср. поговорочные выражения: *то у вас не князь - грязь* и др. под.

В синтаксисе господствует сочинение. Простые предложения кратки, предметно-глагольны. Почти нет подчинительных союзов. Часты присоединительные союзы *да*, *а*, *и*. "Нередко встречается соединение предложений [с] помощью союзов сочиняющих - *а* и *и*, когда требовалось бы предложение подчиненное... Не раз попадается опущение связи при сочетании предложений - "и видь старца сьдяща пишетъ" (спис. Царск.)... часто сливаются предложения разговорные с повествовательными без всякого отделения их - "и реч старецъ Феодосію зови их хльба іасть занеже издалеча пришли *да* сьли за трапезою" (И. Некрасов).

Широко вводятся в литературную речь областные диалектизмы. Ср. в Житии Пафнутия Боровского (ркпсь Соловецк. библ., № 614, сп. 1569 г.): "и видит тамо в потоки

бесчисленно множество рыбъ ихъ же *мѣстная рѣчь сижики* обыче нарицати".

Разновидности этого смешанного языка, сочетающего элементы славяно-русской речи с приказно-деловым языком и с живой народной, нередко областной речью, были очень разнообразны и пестры - в зависимости от социальных расслоений грамотной демократической среды.

От славяно-русского языка этими демократическими стилями был заимствован и облюбован целый ряд грамматических и лексических особенностей, которые представляли собою как бы квинтэссенцию литературности для низших слоев города, приобщившихся к книжной культуре. Это формы аориста и имперфекта с смешением лиц и чисел (особенно часто употреблялись формы на *-ше* и *-ша* в значении всех лиц и чисел), деепричастия на *-ще* и *-ше*, *-вше*, церковнославянские формы причастий, некоторые синтаксические обороты вроде дательного самостоятельного, наиболее употребительные в церковно-книжной письменности слова и выражения: *аще*, *рече*, *свѣща*, *трижды* и т. п.

Эти стили литературного языка, близкие к просторечию, естественно, вступают в связь и взаимодействие с московским приказным языком, который в отдельных своих жанрах почти сливался с живой разговорной речью средних слоев общества. Например, служащие посольского приказа в XV-XVII вв. собирали сведения о заграничных политических событиях, происшествиях, лицах, местах, о быте, нравах других народов и рассказы об этом, "сказки" вносили в свои "статейные списки". Тут вырабатывался своеобразный повествовательный стиль на основе живой русской речи. Рассказы, почему-нибудь особенно занимательные, выходили за стены канцелярий и получали большее или меньшее распространение. Язык этих статей - почти всегда русский; изложение - самое простое, деловое, не допускающее сомнений в том, что перед нами запись устных сообщений, а не перевод написанных на иностранном языке рассказов (А. И. Соболевский). Ср. синтаксис (запись XVI в.): "... былъ в Цариградѣ трусъ съ Николина дни осенного до крещеніа. Полать вельми много пало, и стѣны градныя много пало. И

царь вельми устрашился, да патриарху велѣль молебны пѣти; да съ тѣхъ мѣсть трусъ престаль".

Не чуждались элементов устной речи и другие жанры письменного-делового языка. Так, большая часть статей "Домостроя" (XVI в.) писана живым русским языком почти без влияния церковнославянской стилистики. Встречаются нередко народно-поговорочные выражения. Бытовая лексика разнообразна, конкретна и богата реальными значениями и оттенками. Иногда в перечислении выстраивается вереница тщательно дифференцированных обозначений из одного и того же семантического ряда. Например: "и пришед да сняв платейце, высушить и вымять и вытереть и выпахать хорошенько, укласть и упрятать, где то живет". Или: "а про всяку вину ни по уху, ни по видению не бити, ни под сердце кулаком, ни пинком, ни посохом не колоть, ни каким железным или деревянным". Ярко выступает вещный антураж быта и связанный с ним словарь. Нередко язык принимает форму лаконических афоризмов или лозунгов (например: "со всяким управа без волокиты"; "всегда в устрое, - как в рай войти" и т. п.) или расцвечивается игрой слов, острым сопоставлением синонимов или омонимов, слов с родственными основами (например: "а двор бы был по тому же везде бы крепко горожен, или тынен, а ворота всегда приперты, а собаки бы *сторожливы*, а слуги бы *стерегли*, а сам государь или государыня послушивают ночи"). Таким образом, в русской письменности XVI - первой половины XVII в. бытуют и развиваются разнообразные стили, разграниченные между собою как особые социальные и жанровые диалекты и в то же время находящиеся в постоянном взаимодействии друг с другом и с живой разговорной речью разных слоев общества. Обозначается процесс национализации русского литературного языка. Он обостряется и разнообразится усилением западноевропейского влияния на русский язык.

Латинские, западноевропейские струи, просачивающиеся главным образом через Польшу, Литву и Новгород, все сильнее действуют на русский литературный язык XVI - начала XVII в. Синтаксис подвергается влиянию латинского языка (см. язык кн. И. М. Катырева-Ростовского).

Перелом в истории русского литературного языка с XVI в. имеет своим следствием утрату интереса к старым переводам как древнейшим (IX-X вв.), так и более поздним (XIII-XV вв.). "Но с того же времени появляются, - и чем ближе к концу XVII в., тем все в большем количестве, - новые переводы, и с греческого, и особенно с латинского, польского и немецкого языков" (А. И. Соболевский). Переводная литература усиливает процесс "обмирщения" славяно-русского языка и сближает его с приказным языком.

В XVI-XVII вв. основные кадры переводчиков состояли из двух групп: 1) из переводчиков посольского приказа и 2) из образованных монахов. Никакой специализации в кругу переводческого дела не было. И приказные и духовные лица переводят все, что им велят. Но переводчики посольского приказа пользуются преимущественно русским деловым языком, монахи - славяно-русским. В зависимости от профессионально-языковых навыков переводчика сочинения, относящиеся к военному искусству, анатомии, географии, истории или другой области науки, техники или даже к разным жанрам художественной литературы, оказываются переложеными то на церковнославянский, то на русский деловой язык. Но сосредоточение переводческой деятельности в Москве все же содействовало унификации основных стилей-диалектов переводной литературы.

Заведение книгопечатания (XVI в.) было одним из наиболее значительных культурных предприятий, направленных к объединению областных феодальных особенностей и к созданию общих литературно-языковых норм для всего Московского государства.

Процесс вытеснения письменных территориальных диалектов московским приказным языком, претендовавшим на значение общенациональной русской нормы, завершается в XVII в.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

1

В XVII в. русский литературный язык вступает в новую фазу своего развития. В нем усиливается процесс концентрации общенациональных элементов.

Хотя в русском письменном языке в XVII в. еще очень явственны следы былого феодального разобщения, но особенно резкая местная, диалектальная примесь к литературной речи становится социальным признаком "словесности" низших, подчиненных общественных групп. Московский государственный язык все более упорядочивает в своей структуре смешение и столкновение севернорусских и южнорусских диалектальных особенностей.

В XVII в. со всей решительностью встает вопрос о перераспределении функций обоих письменных языков: книжного русско-славянского и более близкого к живой, разговорной речи русского - делового, административного. В государственном письменно-деловом языке к этому времени были устранены резкие диалектальные отличия между Новгородом и Москвой.

В XVII в. устанавливаются фонологические нормы общерусского государственного языка (аканье на среднерусской основе, различие звуков *іь* и *е* под ударением, севернорусская система консонантизма, освобожденная, однако, от резких областных уклонений вроде новгородского смешения *ч* и *ц*, и т. д.).

Окончательно укореняется целый ряд грамматических явлений, широко распространенных в живой народной речи как севера, так и юга, например окончания *-ам* (*-ям*), *-ами* (*-ями*), *-ах* (*-ях*) в формах склонения имен существительных мужского и среднего рода, а также женского рода типа *кость*, формы на *-ья* типа *друзья*, *князья*, *сыновья* и т. п., *деревья*, *каменья* и т. п.

В XVII же веке в русском литературном языке сформировалась категория одушевленности, включив в себя как имена лиц мужского и женского пола, так и названия животных (до этого выделялись в особый грамматический разряд имен существительных лишь слова, обозначающие лиц мужского пола). Семантический рост национализирующегося языка протекает стремительно.

Не лишено значения, что в XVII в. исчезает система присоединительного счета в обозначениях составных чисел, характерная для русского языка до XVII в. (ср., например, в актах XVI в.: *на тысячу и на триста и на шестьдесят и на*

четыре рубли - 1501 г.; сто тысяч и семь тысяч и шестьсот и сорок и четыре денги отоманские - 1503 г., и т. п.

Московский деловой язык, подвергшись фонетической, а еще больше грамматической регламентации, решительно выступает в качестве русской общенациональной формы общественно-бытового выражения. Например, в деловом языке XVII в. устраняется чередование *z||z, x||c* (а также уже раньше вымиравшие *k||u*) в формах склонения (ср. в грамотах XVI в.: *по сроциѣ на нашем человѣциѣ, по дензѣ, при недрузѣ, в послусах* и т. п.); выходят из живого письменно-бытового употребления энклитические формы личных местоимений: *ми, ти, мя, тя* и т. п.

Таким образом, к концу XVII в. устанавливаются многие из тех явлений, которые характеризуют грамматическую систему русского литературного языка XVIII-XIX вв.

Процесс образования русского национального языка был связан с "обмирщением" просвещения. Славяно-русский язык семантически обновляется, подвергаясь влиянию западноевропейских языков и еще теснее сближаясь с народной речью, а те его стили и разновидности, которые были проникнуты клерикальным духом, постепенно (к концу XVII - началу XVIII в.) вытесняются с командных высот культурной жизни.

Расширению живой народной струи в системе литературного языка содействовали новые демократические стили литературы, возникавшие в среде грамотной посадской массы. В XVII в. на основе диалектов купечества, мелкого служилого дворянства, посадских людей и крестьянства создаются новые типы литературного языка, новые роды письменности. Ремесленники, торговцы, низший слой служилых людей - посадские люди до XVII в., в сущности, не имели своей литературы.

В половине XVII в. средние и низшие слои общества (низшее духовенство, городское купечество, служилые люди, грамотное крестьянство) пытаются установить свои формы литературного языка, далекие от книжной религиозно-учительской и научной литературы, свою стилистику [2], на основе которой реалистически перерабатывают сюжеты

старой литературы (ср., например, повести "Слово о благочестивом царе Михаиле" или "Сказание о древе золотом и о золотом попугае и о царе Михаиле, да о царе Левкасоре"). Эти новые стили литературного языка широко пользуются изобразительными средствами и лексикой устной русской словесности, в частности сказки. Например, в повести "Слово о благочестивом царе Михаиле" (Лен. б-ка, № 943, XVII в., из собрания Ундольского) можно подметить местами ритмичность речи и стремление к созвучиям - рифмам. *В конюшне стояше - повинных к нему меташе, много дивися царскому на коне сидению - и чудного коня течению* и др. под. В "Сказании о древе золотом...", кроме созвучий, постоянны повторения слов и формул. Славянизмов книжной речи в этих стилях относительно немного, да и те почти исключительно ходячие, шаблонные. Например, в указанной выше повести "Слово о благочестивом царе Михаиле": *аще, зело, вельми*, формы аориста от глаголов *ити* и производных от него с приставками, *реши* и некоторые другие, причем окончания единственного и множественного числа путаются: *и нихто на него не смѣяша сесть, царь на нем не ѿздиша; и вельможи много дивися царскому на коне сиденью*, и т. п.

Характерен синтаксис, почти вовсе свободный от подчинения предложений: *Извоздник же поклонився царю и поиде к желѣзной конюшне, где конь стоит, и ударивъ кулакомъ по замкомъ, замки всѣ с пробоев долой спадоша* и др. под.

Синтаксическая перспектива подчинения и включения предложений отсутствует. Например, в рукописи из собрания Ундольского № 943: "И походил по двору и виде, крепко стерегут, и рече" и т. п.

В лексике разговорные выражения причудливо сочетаются с книжными: "Василей *тяль* мечемъ и *отсѣче обѣ руцѣ*"; "Царь Василей не могъ ничем *отнятца* и *сотворил ухищрение*"; "начал вельми *сердитоватъ*, аки левъ ревуще" и т. п.

Из среды низших и средних классов русского грамотного общества XVII в. идут первые записи произведений устной народной словесности и близкие им подражания, пересказы (например, "Повесть о бражнике", "Повесть о царе Аггее...", "Сказка о некоем молодце, коне и сабле", "Сказание о молодце

и девице", "Горе-злосчастье" и нек, др., которых роднят свободное отношение к книжной традиции, стиль, близкий к народной словесности и живой речи, реализм).

Борьба с традициями старого книжного языка ярче всего обнаруживается в пародии, которая была широко распространена в русской рукописной литературе конца XVII в. Пародировались литературные жанры, различные типы церковнославянского и делового языка. Таким путем происходило семантическое обновление старых языковых форм и намечались пути демократической реформы литературной речи. В этом отношении характерен, например, язык пародий-лечебников конца XVII - начала XVIII в., отражающих манеру народных сказок-небылиц.

Появляются пародии и на разные жанры и стили высокой церковно-книжной письменности. Таков, например, "Праздник кабацких ярыжек". В языке этой пародии-сатиры второй половины XVII в., с одной стороны, находит отражение книжная славянская терминология и фразеология церковных служб и песнопений (стихир, прокимнов, паремий, тропарей, псалмов и канонов и т. п.), подвергающаяся пародическому "выворачиванию наизнанку". В связи с этим широко представлены и морфологические славянизмы (формы аориста - *погибе, лишихся* и т. п.; церковнославянские формы звательного падежа: *кабаче непотребне, истощителю* и т. д.; падежные формы со смягчением заднеязычных: *в человеце, в велицеи* и др. под.).

Но гораздо ярче и шире в языке этой "службы кабаку" обнаруживается живая народная речь, не чуждая севернорусских диалектизмов (например: на корчме испити *лохом; уляпался; с радением бажите*, т. е. желаете, требуете; *стряпаете около его, что черт у слуды; в мошне ни пула* и т. п.).

Много народных поговорок, нередко рифмованных, например: *был со всем, а стал ни с чем; когда сором, ты закройся перстом; было да сплыло; люди в рот, а ты глот; "крапива кто ее ни возьмет, тот руки ожжет"* и т.д.

К "Празднику кабацких ярыжек" по своей пародийной направленности примыкает "Повесть о попе Савве", которая заканчивается "смешным икосом безумного попа",

пародирующим стиль церковного акафиста: "Радуйся, шелной Сава, дурной поп Саво..., радуйся, что у тебя бараденка выросла, а ума не вынесла"; "радуйся породны русак, по делам воистину так" и т. д.

Пародируются старые формы не только литературного славяно-русского, но и делового языка (ср., например, язык "Калязинской челобитной"). И тут подспорьем служит язык народной поэзии, например стиль небылиц, прибауток, пословиц и т. л. В литературу пробивают себе дорогу преследуемые церковью формы устного скоморошьяго творчества.

Жанры старой литературы преобразуются, наполняясь реалистическим бытовым содержанием и облекаясь в стилистические формы живой народной речи. Так, "Азбука о голом и небогатом человеке", написанная пословичной рифмованной прозой, чрезвычайно интересна для характеристики литературных стилей посадских и младших служилых людей с их диалектизмами, с их разукрашенным, но образным просторечием, с их редкими славянизмами и частыми вульгаризмами. Например: *ерыщетица* у меня по брюху; *ерзнул* бы за волком с собаками да не на чем и т. п. Таким образом, во второй половине XVII в., когда роль города становится особенно заметной, в традиционную книжную культуру речи врывается сильная и широкая струя живой устной речи и народно-поэтического творчества,двигающаяся из глубины социальных "низов". Обнаруживается резкое смешение и столкновение стилей и диалектов в кругу литературного выражения. Начинает коренным образом изменяться взгляд на литературный язык. Демократические слои общества несут в литературу свой живой язык с его диалектизмами, свою лексику, фразеологию, свои пословицы и поговорки. Так, старинные сборники устных пословиц (изданные П. К. Симони и обследованные В. П. Адриановой-Перетц) составляют в среде посадских, мелких служилых людей, городских ремесленников, в среде мелкой буржуазии, близкой к крестьянским массам. Ср., например, такие пословицы: *кабалка лежит, а детинка бежит; голодный и патриарх хлеба украдет; казак донской, что карась озерной - икрян да сален* (характеристика донской "вольницы"); *поп*

пьяный книги продал, да карты купил; красная нужда - дворянская служба (насмешка над привилегированным положением высших сословий); не надейся попадья на попа, имей своего казака и т. п.

Лишь незначительная часть пословиц, включенных в сборники XVII - начала XVIII в., носит в своем языке следы церковно-книжного происхождения. Например, "Адам сотворен и ад обнажен"; "жена злонравна мужу погибель" и др. "Огромное же большинство пословиц, даже и выражающих общие моральные наблюдения, пользуются целиком живой разговорной речью, которая стирает всякие следы книжных источников, если таковые даже в прошлом и были" (В. П. Адрианова-Перетц).

Язык посадской интеллигенции - приказных служащих, плебейской, демократической части духовенства - предъявляет свои права на литературность. Рамки литературной речи широко раздвигаются. Устно-поэтическая традиция народного творчества вплотную придвигается к литературе и служит мощным источником национальной демократизации русского литературного языка.

Но живая народная речь сама по себе еще не могла стать базой общерусского национального языка. Она была полна диалектизмов, которые отражали старую феодально-областную раздробленность страны. Она была оторвана от языка науки, который формировался до сих пор на основе славяно-русского языка. Она была синтаксически однообразна и еще не освоилась со сложной логической системой книжного синтаксиса. Генрих Лудольф, автор "Русской грамматики" (Оксфорд, 1696), так изображает значение славяно-русского языка: "Для русских знание славянского языка необходимо, так как не только священное писание и богослужебные книги у них существуют на славянском языке, но не пользуясь им, нельзя ни писать, ни рассуждать по вопросам науки и образования". "Так у них и говорится, что *разговаривать надо по-русски, а писать по-славянски*".

Отсюда понятно, что русский национальный язык в XVII и XVIII вв. образуется на основе синтеза всех жизнеспособных и ценных в идейном или экспрессивном отношении элементов русской речевой культуры, т. е. живой народной речи с ее

областными диалектами устного народнопоэтического творчества, государственного письменного языка и языка старославянского с их разными стилями.

Но в XVII и даже в начале XVIII в. средневековое многоязычие еще не было преодолено, контуры национального русского языка лишь обозначились. Например, в сочинениях такого крупного писателя XVII в., как протопоп Аввакум, наблюдается тонкая и сложная система сцепления, сопоставления и взаимопроникновения живых народных и славяно-русских выражений. Славяно-русские образы здесь приобретают яркую народную окраску (тотчас ограбят до нага и *сволокут* ризу святого крещения; и бес блудной *в души на шее сидит*, кудри бедной расчесывает и др. под.). Живая устная речь с присловьями, поговорками и пословицами, рифмованными афоризмами у Аввакума нередко совсем заслоняет и оттесняет церковнославянизмы. Иногда же русизмы и славянизмы синонимически сопоставляются: бысть же я ... *приалчен*, сиречь есть захотел; зело древо *уханно*, еже есть вони исполнено благой; на высоких *жрал*, сиречь на горах болванам кланялся и др. под. В местах же патетических и религиозно-торжественных старославянский язык выступает у Аввакума в обнаженном виде.

Сам старославянский язык в XVII в. переживает сложную эволюцию. XVII в. - это время последнего, предсмертного расцвета традиционного средневекового мировоззрения. Вступление Московского государства в круг широких международных связей и отношений обострило старинную идею о значении Москвы в истории христианского мира: Москва - третий Рим, последняя столица.

В связи с этим, а отчасти в противовес надвигающейся на русский язык волне европеизации усиливается в литературе реакционных кругов монашества и боярства риторическое "плетение словес", возрождаются традиции византийского витийства (культ греческого языка в школе Епифания Славинецкого, брата Лихуды). Еллино-славянские стили отличались "необыкновенною славянщиною" (ср., например, склонность их к сложным торжественным словам:

рукохудожествовать, гордовысоковыйствовати и т. п., обилие грецизмов, фраз, составленных по византийскому

образцу, запутанные синтаксические конструкции и др.). Однако переводы с греческого в XVII в. вообще не имели успеха среди читателей и дошли до нас в ограниченном числе списков, часто только в автографах переводчиков. За пределами исправления славянского текста священного писания, богослужебных книг и религиозно-учительной литературы греческое влияние на литературу Московской Руси XVII в. не было сильным.

Культурно-общественное значение греческого языка, знание которого признается вовсе не обязательным и даже не нужным для интеллигента XVIII в., падает. Еллино-славянские стили теряют всякое значение в начале XVIII в., принимая узкий, профессионально-церковный или научно-богословский характер.

Напротив, резко усиливается влияние на славянский язык украинского литературного языка, подвергшегося воздействию западноевропейской культуры и пестревшего латинизмами и полонизмами. Юго-Западная Русь становится во второй половине XVII в. посредницей между Московской Русью и Западной Европой.

Известно, что с развитием капитализма "прежняя местная и национальная замкнутость и самодовление уступают место всестороннему обмену и всесторонней зависимости народа как в области материального, так и в области духовного производства. Плоды умственной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием" [3]. Главная роль в процессе языкового обмена переходит из одной страны к другой в соответствии с общим ходом экономического и культурного развития.

Украинский литературный язык раньше русского вступил на путь освобождения от засилья церковнославянских элементов, на путь европеизации. Там раньше развились такие литературные жанры, как виршевая поэзия, интермедии и драмы. Там, острее и напряженнее - в борьбе с насильственной колонизацией - протекал процесс национализации славяно-русского языка. Юго-западное влияние несло с собою в русскую литературную речь поток европеизмов. За счет греческого языка возрастает культурно-образовательная роль языка латинского, который был

интернациональным языком средневековой европейской науки и культуры. Он подготавливает почву для сближения русского литературного языка с западноевропейскими языками (ср. латинизмы в русском языке XVII в. - в кругу терминов математики: *вертикальный*, *нумерация*, *мультипликация*, т. е. 'умножение', *фигура*, *пункт*, т. е. 'точка', и т. п.; в географии: *глобус*, *градус* и др.; в астрономии: *деклинация*, *минута* и др.; в военном деле: *дистанция*, *фортеция*; в гражданских науках: *инструкция*, *сентенция*, *апелляция*, *капитулы*; в риторике и пиитике: *орация*, *конклюзия*, *аффект*, *фабула*, *конверзация* и др. под.).

Помимо лексики и семантики влияние латинского языка отразилось и на синтаксической системе русского языка - на конструкции книжного периода.

Влияние западноевропейской культуры сказывалось и в распространении знания польского языка в кругу высших слоев дворянства. Польский язык выступает в роли поставщика европейских научных, юридических, административных, технических и светско-бытовых слов и понятий. При его посредстве происходит секуляризация, "обмирщение" научного и технического языка, а в придворном и аристократическом быту развивается "политесс с манеру польского". Через Польшу проникает занимательная светская литература.

Таким образом, русский язык начинает обогащаться необходимым для народа, выступившего на европейское поприще, запасом европеизмов, однако приспособляя их к традициям и смысловой системе национального выражения. Европеизмы выступают как союзники народного языка в его борьбе с церковно-книжной идеологией средневековья. Они необходимы для расширения семантической базы формирующегося национального языка. Любопытен сопутствующий явлениям заимствования процесс просеивания и отбора чужих слов. Например, церковнославянский язык XVII в. в переводе "Великого Зерцала" испещрен польскими и латинскими выражениями (*кроль*, *поета*, *урина* и т. п.), которые в позднейших списках заменяются или глоссами (*к секутором*, сиречь прикащиком; *авватися*, сиречь начальная мати...; *дробина*, сиречь лествица

небесная), или русскими и славяно-русскими словами (*гай - лес, кокош - петел* и пр.).

Русский литературный язык экстенсивно раздвигает свои пределы. Объединяя феодальные диалекты и вырабатывая из них общерусский разговорный язык интеллигенции на основе столичного говора, литературный язык в то же время овладевает материалом западноевропейской языковой культуры.

В недрах Московского царства, средневекового по всему стилю царского и придворного верха, неудержимо нарастает секуляризация государственной жизни и политических воззрений. Усвоение иноземной военной и торгово-промышленной техники, ряд новшеств, как попытки кораблестроения, организации врачебного дела, устройства почтовых сообщений и т. п., реорганизация государственного управления, складывающегося в новый политический тип светской полицейской государственности, - все это производило коренной перелом в направлении и общем укладе государственной жизни, было связано с проникновением новых понятий и обычаев в быт и духовный кругозор русских людей, приучало к новым приемам мысли и создавало потребность в обновлении средств и способов ее выражения. Разоблачалась и падала старая культура средневековья. На смену ей выдвигалась национальная культура новой России.

2

Процесс выработки новых форм национального русского выражения происходит на основе смешения славяно-русского языка с русской народной речью, с московским государственным языком и с западноевропейскими языками. Ознакомлению с интернациональной научной терминологией и выработке русской научно-политической, гражданской, философской и вообще отвлеченной терминологии XVIII в. содействует укрепляющееся значение латинского языка (ср. калькирование латинских слов: *искусство* - *experientia*; *вменение* - *imputatio*; *обязательство* - *obligatio*; *договоры* - *tracta*; *страсть* - *affectus*; *отрицательный* - *negativus* и т. п.).

Языковые новшества светско-культурного типа легче могли войти в приказный язык, чем в славяно-русский. С системой государственно-делового языка свободно сочетались западноевропейские слова и выражения, относящиеся к разным областям общественно-политической жизни, административного дела, науки, техники и профессионального быта.

Язык Петровской эпохи характеризуется усилением значения государственного, приказного языка, расширением сферы его влияния. Этот процесс является симптомом растущей национализации русского литературного языка, отделения его от церковно-книжных диалектов славянорусского языка и сближения с живой устной речью. В переводной литературе, которая составляла основной фонд книжной продукции первой половины XVIII в., господствует приказный язык. Заботы правительства о "внятном" и "хорошем стиле" переводов, о сближении их с "русским обходительным языком", с "гражданским посредственным наречием", с "простым русским языком" отражали этот процесс формирования общерусского национального языка. Славяно-русский язык вытесняется приказным языком из области науки. Симптоматичен приказ Петра I Ф. Поликарпову, переводившему "Географию": "...высоких слов словенских класть не надобеть, но посольского приказу употреби слова". В Петровское время бурно протекает процесс смешения и объединения - несколько механического - живой разговорной речи, славянизмов и европеизмов на основе государственно-делового языка. В этом кругу выражения формируются новые стили "гражданского **посредственного** наречия", литературные стили, занимающие промежуточное положение между возвышенным славянским слогом и простой разговорной речью.

Степень примеси славяно-русского витийства оценивалась как признак красоты или простоты стилей русского литературного языка. Характерно распоряжение Петра синоду: "... написать ... на двое: поселяном простяе, а в городах покрасивее для сладости слышащих". Сам славяно-русский язык подвергается глубокому воздействию деловой, приказной речи. Он демократизируется и в то же время европеизируется. По

словам К. С. Аксакова, в языке Стефана Яворского и Феофана Прокоповича "ярко является характер тогдашнего слога - эта смесь церковнославянского языка, простонародных и тривиальных слов, тривиальных выражений и оборотов русских и слов иностранных". Например, в церковных проповедях того времени обычны такого рода слова и выражения: "*фельдмаршал войска Давыдова, эксперимент, экстракт, екзерциции воинские*" и т. п. В конструкции речи, конечно не всегда, но заметен латинизм. Таким образом, приказный деловой язык становится центром системы формирующегося нового национального литературного языка, его "посредственного" стиля.

Однако самый этот приказный язык, отражая строительство новой культуры и старые традиции в Петровское время, представляет собой довольно пеструю картину. Одним краем он глубоко внедряется в высокие риторические стили славяно-русского языка, другим - в пеструю и кипящую стихию народной речи с ее областными диалектизмами. Феодальные областные диалекты, глубоко просочившиеся в приказный язык, образуют богатый инвентарь бытовых синонимов и синонимических выражений. Например, в "Книге лексикон или собрание речей по алфавиту, с российского на голанский язык" (1717) выстраиваются в один ряд группы таких слов-синонимов: *пень, колода, чурбан, отсечек* (195); *хижка, шалаи* (69); *постронка, пристяжь*, или 'веревка у шор' и т. п. Лексика народной речи, со своей стороны, становится в синонимический параллелизм со словарем славяно-русского языка. Происходит бурное смешение и стилистически неупорядоченное столкновение разнородных словесных элементов внутри литературного языка, пределы которого безмерно расширяются. Процесс переустройства административной системы, реорганизация военно-морского дела, развитие торговли, фабрично-заводских предприятий, освоение разных отраслей техники, рост научного образования - все эти исторические явления сопровождаются созданием или заимствованием новой терминологии, вторжением потока слов, направляющихся из западноевропейских языков: голландского, английского, немецкого, французского, польского и итальянского (ср. в

сфере административной: *ранг, патент, штраф, полицмейстер, ордер, камергер, канцлер, арестовать, конфисковать* и т. п.; в военном деле: *брешь, бастион, гарнизон, пароль, лафет, юнкер, вахтер* и т. д.). Научно-технические стили деловой речи в это время с периферии перемещаются ближе к центру литературного языка. Политехнизация языка усложнила и углубила систему приказного языка. Политическая и техническая реконструкция государства отражается в реорганизации литературного языка. Профессионально-цеховые диалекты бытовой русской речи привлекаются на помощь и вливаются в систему письменного делового языка. С другой стороны, живая устная речь города, язык общежития - в связи с европеизацией быта - наполняется заимствованиями, пестрит иностранными словами. Возникает мода на европеизмы, распространяется среди высших классов поверхностное щегольство иностранными словами.

При отрыве от культуры средневековья естественно было излишнее увлечение европеизмом. Польские, французские, немецкие, голландские, итальянские слова казались тогда многим более подходящим средством выражения нового европейского склада чувств, представлений и социальных отношений. Петр I вынужден был отдать приказ, чтобы реляции "писать все российским языком, не употребляя иностранных слов и терминов", так как от злоупотребления чужими словами "самого дела выразуметь невозможно".

Таким образом, из приказного языка постепенно вырастают новые стили научно-технического языка, новые стили публицистической и повествовательной литературы, гораздо более близкие к устной речи и более понятные, чем старые стили славяно-русского языка. Но культурное наследство славяно-русского языка, возникшая на его почве отвлеченная терминология и фразеология, его богатая семантика и его конструктивные средства служили мощным источником обогащения национального русского литературного языка в течение всего XVIII в. Символом секуляризации гражданского языка, символом освобождения русского литературного языка от идеологической опеки церкви была реформа азбуки (1708). Новая гражданская азбука приближалась к образцам печати европейских книг. Это был крупный шаг к созданию

национального русского книжного языка. Значение этой реформы было очень велико. Славяно-русский язык терял литературные привилегии. Он низводился на роль профессионального языка религиозного культа. Отдельные его элементы вливались в систему национального русского языка. Усиливалась потребность в более четком разграничении церковнославянских и общенациональных форм и категорий русской книжной речи. За разрешение этой задачи взялся В. К. Третьяковский, который подверг глубокой критике фонетические и морфологические основания славяно-русской речи, указав на отличия народного русского языка. Третьяковский развивал мысль о необходимости писать и печатать книги "по звукам", т. е. в соответствии с фонетикой живого разговорного языка образованных кругов русского общества.

Потребность национально-языкового самоопределения, сознание важности общенационального языка как органического элемента самобытной русской культуры ярко звучат и в теоретических высказываниях Третьяковского о связи литературы с народной поэзией, о языке словенском как "языке церковном", который "в нынешнем веке у нас очень темен" и "ныне жесток... слышится", о необходимости единого и общего национального ("природного") русского языка. ("И так всем одного и того же общества должно необходимо и богу обеты полагать, и государю в верности присягать, и сенаторов покорно просить... и на площади разговаривать, и комедию слушать, и у купца покупать... и работных людей нанимать. .. и на слуг кричать, и детей обучать... все сие токмо что природным языком"). В атмосфере столкновения и смешения разноязычных и разностильных элементов в русском литературном языке первой трети XVIII в. восходят и развиваются своеобразные ростки новых национальных стилей повествования и лирического выражения. Они представляют оригинальное сочетание русской народной и западноевропейской культуры художественного слова. Углубляется связь литературы художественной речи с устной народной словесностью. Структура книжного стиха изменяет свои силлабические формы, тонируясь по русским народно-поэтическим и западноевропейским литературным образцам.

Однако язык петровской государственности еще не мог стать общенациональным языком. Он был стилистически не организован. В разных его жанрах царила пестрая смесь грамматических и лексических категорий книжно-славянского языка с разговорно-русскими. Стремительный наплыв западноевропейской, научной и технической терминологии, ломая старые методы образования научных понятий из старославянских элементов, приводил к "диким и странным слова нелепостям".

К 40-50-м годам XVIII в. потребность стилистической регламентации и нормализации нового русского литературного языка становится все более ощутимой и неотложной.

В. К. Тредиаковский одним из первых выдвинул вопрос об общенациональной норме литературного выражения, об "общем употреблении". Но где искать эту норму, и что такое общее употребление? "С умом ли общим употреблением называть, какое имеют деревенские мужики, хотя их и больше, нежели какое цветет у тех, которые лучшую силу знают в языке?" - спрашивал Тредиаковский. - "Ибо годится ли перенимать речи у сапожника, или у ямщика? А однако все сии люди тем же говорят языком, что и знающие..., но не толь исправным способом". "Лучше полагаться в том на знающих и обходительством выцветенных людей, нежели на нестройную и безрассудную чернь".

Так Тредиаковский под влиянием французских аристократических теорий ищет нормы общенационального русского языка в речи "двора в слове наиучтивейшего и богатством наивеликолепнейшего", в речи "благоразумнейших министров и премудрых священначальников", в речи "знатнейшего и искуснейшего дворянства". Между тем русский двор вовсе не имел своего оригинального стиля национального выражения. А собственный язык Тредиаковского носил явный отпечаток приказно-канцелярской и духовной среды с примесью семинарско-схоластической учености.

Новые основы нормализации русского литературного языка заложены великим русским ученым и поэтом М. В. Ломоносовым. Ломоносов объединяет в понятии "русского языка" все разновидности русской речи - приказный язык, живую устную речь с ее областными вариациями, стили народной поэзии - и признает формы русского языка конструктивной основой литературного языка, по крайней мере двух (из трех) основных его стилей. Ломоносов точно и ясно ориентируется в современном ему хаосе стилистического разноязычия. Он призывает к "рассудительному употреблению чисто русского языка", обогащенному культурными ценностями и выразительными средствами языка славяно-русского и к ограничению заимствований из чужих языков. От степени участия славянизмов зависит различие стилей русского литературного языка (высокого, посредственного и низкого). Ломоносов высоко оценивает семантику славяно-русского языка и свойственные ему приемы красноречия. Кроме того, из славянского языка вошло в русскую литературную речь "множество речений и выражений разума". С ним связан язык науки. Отказ от славянизмов был бы отказом от нескольких столетий русской культуры. Однако Ломоносов предписывает "убегать старых и неупотребительных славянских речений, которых народ не понимает". Таким образом, славяно-русский язык впервые рассматривается не как особая самостоятельная система литературного выражения, а как арсенал стилистических и выразительных средств, придающих образность, величие, торжественность и глубокомыслие русскому языку. Оценив реальное соотношение языковых сил в русской литературной речи первой половины XVIII в., Ломоносов устанавливает систему трех стилей литературы, очерчивает их границы, их лексические и грамматические нормы. Простой или низкий стиль целиком слагается из элементов живой разговорной русской речи, даже с примесью простонародных выражений. Средний стиль состоит из слов и форм, общих славяно-русскому и русскому языкам. В высокий слог входят славянизмы и выражения, общие русскому и славяно-русскому языкам. Каждый из трех стилей связан со строго определенными жанрами литературы. Так, к высокому

стилю были прикреплены героические поэмы, оды, трагедии, праздничные речи о важных материях. Остальные жанры могли свободно пользоваться чисто русским языком. Теория трех стилей ввела в узкие стилистические рамки употребление славяно-русского языка, хотя еще сохранила для него средневековый пьедестал. Она сильно ограничила применение иностранных слов. С именем Ломоносова связано упорядочение русской технической и научной терминологии, ее русификация. Нормализация русского литературного языка предполагала грамматическую регламентацию стилей.

Грамматические категории славяно-русского языка, уже вымершие в общем употреблении (например, формы аориста, имперфекта, деепричастия на *-ще*, формы со смягчением заднеязычных и т. п.), окончательно сдаются в архив.

Сохраняются лишь те славяно-русские формы, которые были приняты в деловом государственном языке. Это обновило и демократизировало весь грамматический строй русского литературного языка.

"Новым словам ненадобно старых окончаний давать, которые не употребительны". Кроме того, Ломоносовым систематизированы фонетические и грамматические различия между высоким и простым стилями, причем был открыт в простой слог широкий доступ грамматическим формам живой устной речи. В "Российской грамматике" Ломоносова, хотя и в общих контурах, впервые была представлена широко и самостоятельно разработанная грамматическая система русского языка в ее стилистических вариантах. Намечался грамматический стержень национального русского языка. Семантика народного языка стала основной движущей силой литературного развития. Но Ломоносов не разрешил всех противоречий и трудностей, которые тормозили развитие национального русского языка. Структура среднего стиля осталась не ясно очерченной. Стихия живой народной речи была стилистически не упорядочена. Нормы употребления областных диалектизмов не определены и не ограничены. Теоретически считая социальной базой литературной речи язык Москвы, сам Ломоносов допускал в своей грамматике и в своих произведениях много севернорусских диалектизмов, отклоняющихся от московской нормы. Проблема

европеизмов, как необходимого элемента русской национальной языковой культуры, за пределами научного языка также не получила всестороннего освещения в литературной деятельности Ломоносова. Вопрос об единой общенациональной норме русского языка, очевидно, еще не мог быть решен.

Между тем процесс европеизации высшего русского общества усиливался. Французский язык становится официальным языком придворно-аристократических кругов, языком светских дворянских салонов. Борьба за национальные основы русского литературного языка неизбежно выдвигала задачу создания "светских" стилей самого русского литературного языка. Именно в этом направлении развивалась литературная деятельность другого великого русского писателя середины XVIII в. - А. П. Сумарокова - и его школы.

Сумароков и его школа не только обогащают русский язык новыми формами лирической и драматической речи, но и в значительной степени преодолевают четыре замеченные ими препятствия на пути развития общенационального русского языка.

1. Вводятся ограничения для литературного употребления областных народных слов и выражений. В качестве твердой национальной нормы выдвигается язык столичной образованной среды, московское интеллигентское (преимущественно дворянское) употребление. В связи с этим Сумароков объявляет себя противником "Российской грамматики" Ломоносова. "Грамматика Ломоносова никаким ученым собранием не утверждена, и по причине, что он московское наречие в колмогорское превратил, вошло в нее множество порчи языка". Наряду с диалектизмами запрещаются вульгаризмы. Характерно, например, заявление Ф. Мамонова в предисловии к переводу "Любови Псиши и Купидона" Лафонтена (1769): "Благородный стиль всегда привлечет меня к чтению, а низкими словами наполненный слог я так оставляю, как оставляю и не слушаю тех людей, которые говорят степною речью и произношением". Таким образом, культивируется средний литературный стиль и выдвигается лозунг олитературивания разговорной речи. Простой слог приближается к среднему.

2. Объявляется борьба "подъяческому", приказно-бюрократическому языку, его "скаредному складу". Приказный язык, уже Ломоносовым нивелированный и разнесенный по рубрикам русского и славянского языка, теряет одну за другой свои литературные позиции. Исполнив свою историческую миссию, он низводится на роль профессионально-канцелярского диалекта. Он признается противным "обычаю", т. е. лингвистическому вкусу светского образованного общества. "Подьячие... точек и запятых не ставят... для того, чтобы слог их темнее был, ибо в мутной воде удобнее рыбу ловить". "... подьячие... высокомерятся любимыми своими словами: понеже, точию, яко бы, имеет быть, не имеется и прочими такими". Литературный язык ориентируется на язык светского общества. Все это ведет к еще большему расширению функций среднего стиля, не регламентированного Ломоносовым.

3. Реорганизуется структура высокого слога. Расшатываются его славяно-русские основы, еще так крепко связанные у Ломоносова с "пользой книг церковных". Ломоносовский высокий стиль характеризуется как "многоречие", "многоглаголание тяжких речей", "пухлое и высокопарное". В основу высокого слога Сумароковым и его школой кладется европейский стиль французского классицизма, однако сильно национализированный.

4. Сумароков и его школа ведут яростную борьбу с галломанией придворно-аристократического круга и его дворянских подголосков, с языком светских щеголей, пересыпавших свою речь французскими (а иногда немецкими) словами. Они видят в этом макароническом жаргоне опасность утраты национального своеобразия русского языка. Сумароков не был пуристом. Он сам вводил новые слова и значения. Он допускал необходимые иностранные заимствования, но был противником порчи языка ненужной чужеземной примесью (см. "Об истреблении чужих слов в русском языке", "Эпистола о русском стихотворстве"). Однако Сумароков не разрушает, а лишь видоизменяет теорию трех стилей. Но и выдвинутая сумароковской школой норма литературного языка не выдержала испытания истории.

Фонвизин, Державин, Новиков, Радищев с разных сторон и в разных направлениях открывают литературе новые средства выражения и новые сокровища живого слова. Они производят сложную перегруппировку языковых элементов. Их творчество не уместится в рамки теории трех стилей. Возникает разрыв между формально-языковыми схемами литературы и живой семантикой языка народного. Углубление национальных основ русского литературного языка особенно заметно в поэзии Державина, который, синтезируя стили ломоносовской и сумароковской школы, иногда достигал высокой степени народности реалистического мастерства. По словам Белинского, "с Державина начинается новый период русской поэзии... В его стихотворениях нередко встречаются образы и картины чисто русской природы, выраженные со всею оригинальностью русского ума и речи... Поэзия Державина была первым шагом к переходу вообще русской поэзии от риторики к жизни...". Поэзия Державина не осуществила синтеза всех живых элементов общерусской литературной речи, но подвергла их новому смешению. И в этом брожении и смешении еще определеннее и резче выступили и схематизм теории трех стилей, и контуры уже возникающего общерусского национального языка.

Влияние Ломоносова, Фонвизина и Державина отразилось и на языке Радищева, который, вырабатывая революционный публицистический стиль материалистического направления, широко пользовался риторикой и фразеологией славяно-русского языка, но изменял их смысловую направленность. Вместе с тем Радищев многое черпает из сокровищницы живого родного слова и народной поэзии, свободно смешивая народные элементы со славяно-русскими и западноевропейскими и не придерживаясь традиционной рецептуры учения о трех стилях. Он стремится содействовать развитию в России просвещения "на языке народном, на языке общественном, на языке российском".

В XVIII в. русский язык окончательно утверждается в науке, которая, впрочем, еще очень долго - до 30-40-х годов XIX в., до прилива революционно-демократической интеллигенции, а в отдельных областях почти до эпохи Великой Октябрьской

социалистической революции - сохраняла следы своего первоначального симбиоза с церковно-книжной культурой средневековья.

К концу XVIII в. разработка национального русского языка достигает большой глубины. Учение о трех стилях давало возможность широко вовлекать в структуру литературной речи и накопленный веками запас славяно-русизмов, и неистощимые сокровища родного слова. Воздействие западноевропейских языков, принявшее в высших дворянских и придворно-бюрократических кругах антинациональный характер галломании, для русского языка в целом послужило мощным импульсом семантического развития и обогащения; ковались новые формы выражения для передачи понятий, созданных западноевропейской культурой; расширялся круг значений прежних слов (например, в сфере обозначения чувств, настроений, оттенков душевной жизни, их качественных определений, в сфере выражения социальной и психологической атмосферы общественного быта, светского этикета и т. п.; ср. значения таких слов, как *плоский, тонкий, живой, трогательный, развлечение, расположение* и т. п.): вырабатывались приемы отвлеченного научно-технического и публицистического изложения (ср., например, значения таких слов и выражений: *отвлечение* - abstractio, abstraction; *отвлеченный* - abstractus, abstraite, *предрассудок* - prejudice; *непроницаемость* - impenetrabilite; *переворот* - revolution; *подразделение* - subdivision и т. п.).

К концу XVIII в. процесс европеизации русского языка, осуществлявшийся преимущественно при посредстве французской культуры литературного слова, достиг высокой степени развития. Старокнижная языковая культура вытеснялась новоевропейской. Русский литературный язык, не покидая родной почвы, сознательно пользуется церковнославянизмами и западноевропейскими заимствованиями.

Однако - при всем богатстве и разнообразии форм литературного выражения - в общерусском национальном языке еще не было твердых норм - ни грамматических (особенно синтаксических), ни словарных, тем более что высокий слог и прикрепленные к нему жанры старели или

заметно эволюционировали в сторону сближения с живой разговорной речью, а простой слог с его вульгаризмами и диалектизмами уже не отвечал развитому вкусу европеизированной дворянской интеллигенции. Все острее к концу XVIII-началу XIX в. ощущалась потребность в реорганизации литературного языка, в отмене жанровых ограничений, в создании средней литературной нормы, близкой к разговорному языку образованного общества, свободной как от архаизмов славяно-русского языка, так и от вульгаризмов простонародной речи и способной удовлетворить "благородный вкус" просвещенного русского европейца.

Над разрешением этой задачи в разных направлениях работали многие писатели конца XVIII и начала XIX в. (Новиков, Капнист, Дмитриев, Карамзин и др.). Особенное значение для истории русского языка имела литературная деятельность Н. М. Карамзина, с именем которого современники связывали создание "нового слога российского языка".

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ

1

Процесс образования "нового слога российского языка" был связан с борьбой против старой книжной традиции, носившей еще слишком глубокий отпечаток церковнославянского влияния, и против специально-технических и приказно-канцелярских уклонений литературного стиля, шедших еще из Петровской эпохи. Национализация русского литературного языка обязывала к выработке языка светского общежития - по типу новоевропейских языков. Не педант и не ученый, представитель узкой специальности, а светский человек провозглашается творцом и судьей языка общежития, языка цивилизации. На русскую почву пересаживаются принципы позднего французского классицизма, но приобретают здесь совершенно оригинальный характер. "В людской толпе, составленной из глупцов и пересыпанной педантами, - говорил Вольтер, - всегда имеется маленькое отдельное стадо, называемое хорошим обществом". В понятии "хорошего

общества" Карамзин - в отличие от Пушкина - не объединял интеллигенции и простого народа. Это светское хорошее общество - законодатель норм литературного выражения. Карамзин и его сторонники выдвигали задачу - образовать доступный широкому читательскому кругу один язык "для книг и для общества, чтобы писать, как говорят, и говорить, как пишут". Для этого необходимы: тщательный отбор наличного языкового материала и творчество новых слов и оборотов (ср. неологизмы самого Карамзина: *влюбленность, промышленность, будущность, общественность, человечность, общепольный, достижимый, усовершенствовать* и др.).

Язык преобразуется под влиянием "светского употребления слов" и "хорошего вкуса" европеизированных верхов общества. Изменяются синтаксис и фразеология. Из литературного словаря исключается большая часть слов ученого языка, восходящих к церковнославянизмам. Архаические и профессиональные славянизмы и канцеляризмы запрещены (вроде: *учинить, изрядство* и т. п.). В литературном употреблении избегаются специальные термины школы, науки, техники, ремесла и хозяйства. Накладывается запрет на провинциализмы и на слова фамильярно-просторечные или простонародные. В этой реформе нельзя не видеть развития и углубления национально-объединяющих тенденций, направленных на освобождение литературного языка от пережитков феодального прошлого. Но путем соскабливания шероховатостей и демократических угловатостей язык сокращается и даже обесцвечивается. Обнажается социальный фонд "приличных" светских выражений, обобщенных и лишенных индивидуального колорита. Устраняются слишком резкие или слишком простые, грубые и низкие "идеи" и формы их выражения. Действительность облачается риторическим покровом "цветов слога", "полууалем" описательных выражений и метафор. Из поэзии почти изгнаны прямые обозначения бытовых вещей и действий, их реальные имена; они заменены перифразами. Поэт имеет в своем распоряжении меньше 1/3 общерусского словаря.

Последователь Карамзина П. И. Макаров заявлял: "Вкус очистился; читатели не хотят, не терпят выражений, противных слуху; более двух третей русского словаря остается без употребления". "Новый слог Российского языка" постоянно находится в опасности ограничить свои материалы одними общими местами. Не давая точного, полного и глубокого отражения действительности, он риторически схематизирует и логически классифицирует общие впечатления от действительности и основанные на них абстрактные идеи. Это отвлеченное искусство слова, лишенное живого пульса поэтического творчества. Грамматика преобразуется одновременно в том же направлении. Сокращаются или стилистически переоцениваются старые морфологические категории высокого слога. Грамматическая свобода простого слога парализуется. Устанавливается строгий порядок слов применительно к строю "новоевропейской фразы". Отступления от него должны быть стилистически или риторически оправданы. Фраза сжимается. Она рассчитана на наименьшую затрату внимания. Регламентированы приемы построения сложных синтаксических объединений, периодов. Число употребительных союзов сокращено (ср. исключение даже таких книжных союзов, как *ибо*, *якобы*, *в силу того что*, *ежели* и др.). Точно определены формы синтаксической симметрии в соотношении членов периода. Интонации живой речи широко врываются в литературный язык. Карамзинский стиль создан для того, чтобы все замыкать в изящные светские формулы, объяснять и популяризировать. Научный язык приспособляется к языку повествовательной прозы. "Новый слог Российского языка" не был достаточно демократичен. Но работа, сделанная Карамзиным в области литературной фразеологии и синтаксиса, поистине грандиозна. Карамзин, пишет В. Г. Белинский, "преобразовал русский язык, совлекши его с ходуль латинской конструкции и тяжелой славянщины и приблизив к живой, естественной, разговорной русской речи". "... Карамзин старался писать, как говорится. Погрешность его в сем случае та, что он презрел идиомами русского языка, не прислушивался к языку простолюдинов и не изучал вообще родных источников".

Поэтому язык самого Карамзина далеко не русский: он правилен, как всеобщая грамматика без исключений и особенностей, лишен русизмов или этих чисто русских оборотов, которые одни дают выражению и определенность, и силу, и живописность. Русский язык Карамзина относится к настоящему русскому языку, как латинский язык, на котором писали ученые средних веков, - к латинскому языку, на котором писали Цицерон, Саллюстий, Гораций и Тацит. Школа Карамзина осознала необходимость устранить разобщенность между тремя стилями старой литературы, их жанровую обособленность. Она противопоставила диалектологически разграниченным трем стилям литературы разнообразие салонно-светских стилей, отличающихся "не словами или фразами, но содержанием, мыслями, чувствованиями, картинными, цветами поэзии".

Карамзин выдвинул проблему единства семантической системы русского языка, включенной в круг европейского просвещения.

Карамзин дал русскому языку новое направление, по которому пошли такие замечательные русские писатели, как Батюшков, Жуковский, Вяземский, Баратынский. Даже язык Пушкина многим был обязан реформе Карамзина, которая легла в основу новой грамматической нормализации литературного языка (ср. грамматику Н. И. Греча). Слог Карамзина, по словам современников, "стал слогом всех" (С. П. Шевырев). Однако это было не совсем так.

Отсутствие широкого демократизма и народности, пренебрежение к "простонародному" языку и его поэтическим краскам, слишком прямолинейное отрицание славяно-русской языковой культуры, еще продолжавшей снабжать словарным материалом язык науки и техники, а образами и фразеологией стили художественной прозы и особенно стиха, излишнее пристрастие к европеизмам в области фразеологии и синтаксиса, наконец, надоедливая легкость, сглаженность и манерность изложения в языке Карамзина - не удовлетворяли разные слои современного русского общества. Уже была осознана широкими кругами необходимость демократизации и всестороннего самобытного национального развития языка литературы - научной, политической и художественной - в

соответствии с растущими вширь и вглубь общественными потребностями. Сам Карамзин принужден был изменить свое отношение к старорусскому и славяно-русскому языку, когда глубже понял исторические основы национального русского языка, работая над "Историей государства российского". Карамзинское разрешение проблемы народности в русском языке не могло удовлетворить передовые слои русского общества.

Вокруг "нового слога Российского языка" закипела общественная борьба. "Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка" (1803, 2-е изд. 1818) А. С. Шишкова - реакционного сторонника церковно-книжной культуры, - несмотря на примесь политических инсинуаций (намек на связь "нового слога" с "языком и духом чудовищной французской революции") и на порочную методологию "корнесловия", все же вскрыло ряд существенных недостатков карамзинской реформы, связанных с недооценкой культурного наследия славянизмов, с непониманием исторической роли славяно-русского языка и его выразительных средств, а также с аристократическим отношением к народной речи и к народной поэзии. Благодаря работам Шишкова были глубже осознаны соответствия в строе и словаре русского и церковнославянского языков, точнее определились семантические границы между русским и западноевропейскими языками.

Еще более глубоко это несоответствие карамзинской реформы национально-демократическим основам русской литературной речи было раскрыто критиками из лагеря декабристов и примыкающей к ним передовой интеллигенции. "Из слова же русского, богатого и мощного", карамзинисты, - по словам В. К. Кюхельбекера, - "силятся извлечь небольшой, благопристойный, приторный, искусственно-тощий, приспособленный для немногих язык... Без пощады изгоняют из него все речения и обороты славянские и обогащают его... *баронами, траурами*, германизмами, галлицизмами и *барбаризмами*". "Да создастся для славы России поэзия истинно русская... Летописи, песни и создания народные - лучшие, чистейшие, вернейшие источники для нашей словесности". Итак, проблема средней стилистической нормы

общенационального русского литературного языка не была разрешена Карамзиным, так же как не был решен им и вопрос о слиянии языка письменного с разговорным. Творчество таких великих писателей начала XIX в., как Грибоедов и Крылов, двигалось по другим направлениям, увеличивая стилевое разнообразие литературной речи, вовлекая в систему литературных стилей поэтические достижения живой разговорной речи и фольклора. В передовой литературе начала XIX в. вопрос о новом русском литературном языке, об общерусской норме литературного выражения тесно связывается с вопросом о народности, о национальном развитии, о роли живой народной речи в структуре общенационального языка.

Широкое вторжение в литературу устной народной стихии как основы для организации литературного языка знаменовало собою новый этап в борьбе за общий и единый литературный язык, доступный широким массам. Язык Крылова, по словам Белинского, представляет собой такое неисчерпаемое богатство идиомов, русизмов, составляющих народную физиономию языка, его оригинальные средства и самобытное, самородное богатство, что "сам Пушкин не полон без Крылова в этом отношении".

Крылов возводит народную речь на высшую ступень литературного достоинства. В его баснях живая устная речь обнаруживает всю широту и глубину своих стилистических возможностей. Язык Крылова воспринимался как свободный поток просторечия, пробившийся из недр народного самосознания и разрушивший преграды и нормы карамзинской и европейско-аристократической культуры слова. Крылов широко вводит в строй литературного повествования синтаксис устной речи с его неправильностями и ее выразительным лаконизмом. Он с необыкновенным искусством и лукавой иронией смешивает книжные слова и выражения с разговорными. Его стиль меняется в зависимости от темы, сюжета, экспрессии. И в этом простом слоге, растворившем в себе книжные элементы, Крылов "выразил целую сторону русского национального духа, создав художественную галерею ярких национальных портретов" (П. А. Плетнев). Его афоризмы приобрели значение народных

пословиц (*Ай, моська, знать она сильна, что лает на слона; как белка в колесе; слона-то я и не приметил; услужливый дурак опаснее врага* и мн. др.).

Указав новые пути синтеза литературно-книжной традиции с живой русской устной речью, создав художественные образы глубокого реализма, Крылов подготовил Пушкину путь к народности. Но Крылов не разрешил вопроса о норме национального русского литературного языка - норме, на фоне которой создавалось бы и свободно развивалось все многообразие жанровых и индивидуально-художественных стилей литературы. Поэзия Крылова была ограничена узкой сферой басни - жанра, еще Ломоносовым прикрепленного к простому слогу. Правда, Крылов сумел придать простому народному слогу басни такую смысловую глубину, силу и национально-реалистическую выразительность, перед которыми меркла безличная европейская эlegantность "нового слога Российского языка". Но для создания общенациональной нормы требовались классические образцы национального русского выражения в самых разнообразных жанрах. Эта историческая задача нашла полное решение в творчестве великого русского поэта А. С. Пушкина, который по справедливости считается создателем современного русского литературного языка.

2

В языке Пушкина вся предшествующая культура русской литературной речи нашла решительное преобразование. Язык Пушкина, осуществив всесторонний синтез русской национально-языковой культуры, стал высшим воплощением национально-языковой нормы в области художественного слова. Стремительно пройдя через школу Карамзина и его сторонников, Пушкин в сотрудничестве с декабристами намечает новые пути развития национального русского языка: "Все должно творить в этой России и в этом русском языке", творить на основе "совершенного знания свойств русского языка". Народная словесность с начала 20-х годов становится для Пушкина наиболее ярким выражением духа русского языка, его национальных свойств. Народность для Пушкина менее всего походила на простонародность речи. Народность

языка, по Пушкину, определяется всем содержанием и своеобразием национальной русской культуры. Поэтому она может быть вполне оценена "одними соотечественниками". Пушкин признает европеизм, но только оправданный "образами мыслей и чувствований" русского народа. Эти принципы были не отвлеченными правилами пушкинской стилистики, но плодом глубокой оценки современного поэту состояния русского литературного языка. Они определяли метод творческой работы великого поэта. Пушкин объявляет себя противником "искусства, ограниченного кругом языка условленного, избранного", искусства аристократического. "Зрелая словесность" должна иметь своей основой "странное (т. е. самобытное, отражающее творческую оригинальность народа. - В. В.) просторечие". В этой широкой^ концепции народности находили свое место и славянизмы, и европеизмы, если они соответствовали "духу русского языка" и удовлетворяли его потребностям, сливаясь с национальной семантикой. "Простонародное наречие", сближенное с книжным, славяно-русским, - *"такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей"*.

Продолжая по разным направлениям разрабатывать "неистощимый рудник языка славянского", Пушкин, однако, освобождал русский литературный язык от оков церковной идеологии. Например, в таких церковнославянских образах выражен поэтом призыв к революционной борьбе, к народному восстанию:

Ужель надежды луч исчез?
Но нет! - мы счастьем насладимся,
Кровавой чашей причастимся -
И я скажу: *"Христос воскрес!"*

Пушкин сливал слова и обороты церковнославянского языка с живой русской речью. На таком соединении он создал поразительное разнообразие новых стилистических средств в пределах разных жанров. Он воскрешал старинные выражения с ярким колоритом национальной характеристики. Но Пушкин предупреждал, "что славенский язык не есть язык русский и что мы не можем смешивать их своенравно...".

В пределах общенациональной языковой нормы возможно бесконечное функциональное разнообразие слов и оборотов. Но для этого необходимо "чувство соразмерности и сообразности". "Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности", - писал Пушкин. Этот принцип решительно противопоставляется как учению о трех стилях - с прикрепленным к каждому из них кругом слов и оборотов, так и принципу классового отбора слов и выражений в "новом слоге Российского языка". Установив общенародную литературно-языковую норму, Пушкин разрушает все преграды для движения в литературу тех элементов русского языка, которые могли претендовать на общенациональное значение и которые могли бы содействовать развитию индивидуально-художественных композиций и стилей. Те же принципы Пушкин применяет и к европеизмам. В раннем языке Пушкина много галлицизмов (например, в области фразеологии: *воин мести, сын угрюмой ночи, листы воспоминанья* и др.; в синтаксических конструкциях:

... Грустный, охладелый,
И нынче иногда во сне,
Они смущают сердце мне...

и др.).

Пушкин от них освобождает свой язык. Он противник "калькирования" чужих выражений, перевода их слово в слово. Он борется с синтаксическими галлицизмами. Но Пушкин не отвергает "галлицизмы понятий". "Ясный, точный язык прозы, т. е. язык мыслей" в русской литературе первой четверти XIX в. еще не существовал. "...ученость, политика, философия еще по-русски не изъяснялись". И тут. было чему поучиться на материале французского языка, имевшего богатую и стройную систему выразительных средств для языка прозы - художественной, научной, публицистической. Вовлекая в русскую речь европеизмы, Пушкин исходит из семантических закономерностей самого русского языка и из его культурных потребностей.

Но панталоны, фрак, жилет
Всех этих слов на русском нет.

Принцип всенародной общности языка ведет к отрицанию излишних заимствований. Употребление специальных терминов в общелитературной речи тоже ограничивается Пушкиным. "Избегайте ученых терминов, - писал Пушкин И. В. Киреевскому (от 4 февраля 1832 г.), - и старайтесь их переводить". Процесс образования нового демократического национально-литературного языка был связан со смысловым углублением и образно-идеологическим обогащением живой русской речи. Пушкин производит выбор живых форм словообразования, определяет новые принципы смешения разговорно-русских конструкций с книжными.

Пушкин отбирает и комбинирует наиболее характеристические и знаменательные формы народной речи, семантически сближая литературный язык с "чистым и правильным языком простого народа".

От этого чистого и правильного языка народа, от языка народной поэзии Пушкин резко обособлял жеманный язык мещанской полуинтеллигенции, "язык дурного общества". Понятно, что областные этнографические особенности народной речи, узкие провинциализмы Пушкиным лишь в редких случаях включались в литературную норму. Из областных наречий и говоров Пушкин вводил в литературу лишь то, что было общепонятно и могло получить общенациональное признание. Пушкинский язык чужд экзотики областных выражений, избегает ненужных арготизмов. Он почти не пользуется профессиональными и сословными диалектами города, его средних и низших слоев. Пушкинскому языку в общем чужды резкие приемы социально-групповой и профессиональной диалектизации. В том же направлении смысловой емкости при предельной простоте Пушкин реформирует синтаксис литературного языка. Краткие, сжатые фразы (обычно 7-9 слов) чаще всего с глагольным центром, логическая прозрачность и в то же время экспрессивная глубина в приемах сочинения и подчинения предложений рельефно оттеняют быстрое движение острой и

ясной мысли. Итак, в языке Пушкина впервые пришли в равновесие основные стихии русской речи. Конечно, детали грамматического строя, противоречивые тенденции семантического развития еще не были до конца урегулированы. Но в основном вопрос о общенациональной языковой норме был разрешен. Пушкин окончательно похоронил теорию и практику трех литературных стилей. Открылась возможность бесконечного индивидуально-художественного варьирования литературных стилей. Широкая национальная демократизация литературной речи давала простор росту и свободному развитию индивидуально-творческих стилей в пределах общелитературной нормы. Со времени Пушкина русский литературный язык входит как равноправный член в семью западноевропейских языков. После Пушкина стала вполне ясна широким массам та истина, что "литература есть глас народа; она не может быть привилегией одного класса, одной касты... Основание народного единства есть язык; стало, он должен быть всем понятен, всем доступен!" (Н. И. Надеждин).

"При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте... В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство" (Н. В. Гоголь).

Доведя до высокого совершенства лирический стих, Пушкин дал классические образцы языка повествовательной и исторической прозы. Но проблема "метафизического" (т. е. отвлеченного, философско-книжного, научного и публицистического) языка, который, по словам Пушкина, находился в то время "в диком состоянии", Пушкиным была лишь намечена. Непосредственным преемником и продолжателем пушкинской языковой реформы был Лермонтов. Он пускает в широкий демократический оборот лучшие достижения романтической культуры поэтического слова и углубляет семантическую систему литературного языка. Создав новые формы сжатого и образного выражения мыслей и сложных чувств, Лермонтов осуществляет тот национальный синтез повествовательного и "метафизического", отвлеченно-книжного языка, к которому

стремился Пушкин. Язык Лермонтова оказывает сильное влияние не только на последующие стили художественной литературы, но и - вместе с языком Гоголя - на язык журнально-публицистической прозы, который получает новое направление и развитие в 30-40-х годах в литературной деятельности Белинского.

3

К 30-40-м годам аристократическая культура литературного языка, господствовавшая во второй половине XVIII-в начале XIX в., теряет свой престиж. Образуются новые, более демократические нормы литературного выражения. Основное ядро национального русского языка сложилось. На фоне этой национально-языковой общности приобретают особую рельефность и особое значение идеологические и культурно-эстетические различия стилей и жанров. Но уже в 30-50-х годах, несмотря на все социальные различия и внутренние противоречия разных литературных стилей, обозначаются пять общих тенденций языкового развития.

1. Намечается еще большее ограничение славяно-русской языковой традиции в кругу литературной нормы. С разных сторон предлагалось "расторгнуть дружбу русского слова со славянским" в словаре и грамматике. Церковнославянизмы, не ассимилировавшиеся с интеллигентской разговорной речью, нуждались в стилистическом оправдании своего употребления.

2. Так как общее представление о норме литературной речи в связи с творчеством Пушкина глубоко вошло в общественное сознание, то сближение литературного языка с живой устной речью протекает все более стремительно в разных направлениях. Возникает задача - переплавить разнородные элементы живой устной речи так, чтобы они влились в общенациональный фонд словесного выражения. На этой почве возникает неудовлетворенность старыми словарями русского языка ("Словари Академии Российской" 1789-1794, ч. I-VI и 1806-1822, ч. I-VI), которые по преимуществу канонизировали лексику славяно-русского языка и столичной интеллигентской разговорной речи, крайне ограничивая материал из языка широких демократических масс, особенно

из крестьянского языка и из профессиональных диалектов городского мещанства. "Толковый словарь" Даля был вызван к жизни этими новыми демократическими тенденциями литературно-языкового развития.

Характерно заявление Н. И. Надеждина (в статье "Европеизм и народность", 1836 г.): "...никакое сословие, никакой избранный круг общества не может иметь исключительной важности образца для литературы... Основание народного единства есть язык", который должен быть всем понятен, всем доступен.

3. В связи со стремлением к установлению норм общей разговорной речи приобретает особенную остроту вопрос о значении областных (крестьянских) диалектизмов, о функциях их в литературном языке и о пределах их употребления.

Карамзинская реформа стеснила круг областных выражений в литературном языке. Но с 30-40-х годов диалектизмы, особенно южновеликорусские, начинают все сильнее и шире просачиваться в литературную речь.

Передовые писатели 30-60-х годов настойчиво развивают ту мысль, что литературно-ценными являются лишь такие диалектизмы, которые имеют шансы стать национально-общими. Произведения Гоголя с необыкновенной яркостью показали, какое богатство художественных, характеристических и вообще выразительных средств скрыто в областной народной речи - при умелом ее использовании. Гоголь и в публицистических статьях призывал к изучению народных наречий: "...сам необыкновенный язык наш... беспределен и может, живой как жизнь, обогащаться ежеминутно..., выбирая на выбор меткие названья из бесчисленных своих наречий, рассыпанных по нашим провинциям..." ("В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность"). Народный язык и фольклор, по словам Гоголя, - "сокровище духа и характера" русского народа. Однако в приемах литературного применения диалектизмов в русской литературе с 40-х годов было много извращений и уклонений, с которыми боролись и Белинский, и Добролюбов, и Чернышевский. Растущая демократизация литературного языка имела своим следствием постепенное внедрение необходимых или удачно примененных областных

крестьянских слов и выражений в общий язык (например, *наклевываться* - о деле; *огулом*; *прикорнуть*; *осечься*; *мямлить* и др.).

4. Более тесное взаимодействие между литературным языком и устной речью приводит к расширению литературного употребления слов и оборотов из разных профессиональных диалектов и жаргонов как городского, так и деревенского языка (например, *бить по карману* - из торгового диалекта; *втереть очки* - из шулерского арго; *мертвая хватка* - из охотничьего языка; *спеться* - из певческого диалекта, и др.). И в этом направлении творчество Гоголя, а затем Некрасова, Достоевского и Салтыкова-Щедрина сыграло решающую роль.

5. С 30-40-х годов происходит перераспределение функций и влияния между разными жанрами русского литературного языка. Стих уступает свою ведущую роль прозе, а в прозе выдвигаются на первый план стили газетно-журнальной, публицистической речи. Публицистический язык формируется не на основе стилей официально-канцелярской речи, с которой он был раньше особенно тесно связан, а на основе синтеза языка художественной прозы с языком философии и науки. Вопрос о научно-философской терминологии и фразеологии встает со всей остротой еще в 20- 30-х годах. "Мнемозина", "Московский телеграф", "Московский вестник", "Литературная газета", "Современник", "Отечественные записки" и затем снова "Современник" намечают последовательные этапы истории русской публицистической речи.

Большое значение для формирования публицистического языка имела работа над философской терминологией в кругах русской интеллигенции, увлекавшейся философией Шеллинга и Гегеля (ср. возникновение в 20- 40-х годах таких слов и терминов, представляющих собою кальки соответствующих немецких выражений: *проявление, образование, односторонний, мировоззрение, целостность, последовательный, последовательность, обособление, целесообразный, самоопределение* и др.).

Интерес к общественно-политическим и социально-экономическим наукам проявляется в широком развитии и

распространении соответствующего круга понятий, выражений и терминов: *пролетариат, гуманность, пауперизм, действительность* (вместо прежнего слова *существенность*) и др.

Усиливается взаимодействие между общелитературной речью и языком общественных наук. В развитии публицистической речи и в углублении семантической системы общего языка особенно велика была роль Белинского. Работа над отвлеченно-философскими, общественно-политическими или литературно-эстетическими терминами и понятиями, образование ясной и выразительной журнальной фразеологии, отбор синтаксических форм живой разговорной речи, пригодных для стиля рассуждения, стилистическая дифференциация книжных конструкций - вся эта реформаторская деятельность Белинского имела громадное значение для последующей истории русского литературного языка.

В связи с этими переменами в структуре литературной речи в 30-50-х годах становится особенно актуальным вопрос о научно-популярном языке. Симптоматично, что Гоголь, откликнувшись на этот вопрос, намечает общие контуры языка русской науки, который, по мысли Гоголя, должен строиться независимо от языка "немецкой философии". Отличительными чертами русского научного языка Гоголь признает реализм и лаконизм. Ему должна быть присуща способность не описывать, но отражать, как в зеркале, предмет. "Своим живым духом" он станет доступен всем: "и простолюдину и не простолюдину".

В связи с работой русского общества над языком науки и публицистики, в связи с расширением и углублением семантической системы русского литературного языка снова встает вопрос о значении и границах заимствований из иностранных языков.

В этой проблеме различаются две стороны. Одна обращена к традициям старого книжного языка, нередко чуждавшегося народности. В нем было много излишних европеизмов салонного типа (особенно в фразеологии). Происходит демократическая переоценка старых заимствований (ср. статьи В. Г. Белинского, позднее В. И. Даля: "О русском

словаре", "Напутное слово" и др.). С другой стороны, русский литературный язык продолжал расширять свой инвентарь интернациональной терминологии и фразеологии.

4

Развитие русского языка во второй половине XIX в. происходит в основном под знаком все расширяющегося влияния научной и газетно-публицистической прозы. Во второй половине XIX-начале XX в. нормы литературно-интеллигентского языка определяются влиянием журнально-публицистической, газетной и научно-популярной речи. Русский язык становится способным к самостоятельному выражению сложных научных и философских понятий - без посредства иностранных заимствований. В этом отношении чрезвычайно показательны такие признания русского интеллигента, приписанные И. С. Тургеневым в "Дыме" Потугину (относительно самостоятельного русского "переваривания" понятий, выработанных западноевропейской культурой): "Понятия привились и освоились; чужие формы постепенно испарились, язык в собственных недрах нашел, чем их заменить, - и теперь ваш покорный слуга, стилист весьма посредственный, берется перевести любую страницу из Гегеля, - не употребив ни одного неславянского слова".

Словарь русского литературного языка обогащается множеством отвлеченных выражений и понятий в соответствии с ростом общественного самосознания. Например, к середине XIX в. относится образование таких слов: *бесправие, неправный, крепостник, крепостничество, собственник, самодеятельность, самообладание, самоуправление, направление, содержательный, бессодержательность, впечатлительный, впечатлительность, выразительный, среда* (общественная) и мн. др.

В журнально-публицистических и газетных стилях возникают и вырабатываются те оттенки словоупотребления, те различия в подборе слов и выражений, в их значениях, те экспрессивные своеобразия, которыми определялось общественно-идеологическое расслоение разных социальных групп, партийная группировка интеллигенции. Известно,

например, какое значение имела в языке революционно-демократической интеллигенции терминология и фразеология Дарвина и вообще материалистического естествознания (ср. у Добролюбова: "Среди *выродившихся субъектов человеческой породы* замечателен был бы *экземпляр*" и т. п.; ср. в речи Базарова в "Отцах и детях" Тургенева: "Посмотрите, к какому *разряду млекопитающих* принадлежит сия особа" и др.).

В развитии публицистических стилей и в их влиянии на дальнейшую историю литературного языка особенно велика была роль Добролюбова, Чернышевского и Салтыкова-Щедрина. Через сферу газетно-публицистической речи распространялись и укреплялись в разных слоях русского общества социально-политические термины, лозунги, афоризмы (ср. быстрое и широкое распространение крылатых слов и метких характеристик из сочинений Салтыкова-Щедрина: *административный восторг; чего изволите; головотяпы; карась-идеалист; недреманное око; эзоповский язык; благоглупости* и мн. др.).

Язык журнальной публицистики находится в тесной связи и взаимодействии с научным языком. Понятно поэтому, что в литературную речь второй половины XIX - начала XX в. входит множество слов и понятий из области разных наук и специальностей, приобретая в общем языке новые значения. Например: *аграрный, артикуляция, абберация* (первоначально - астрономический и оптический термин), *агломерат, внушение, предумышленный, причинность, кристаллизация, умственный горизонт, экземпляр* и мн. др. Ср. в области фразеологии: *привести к одному знаменателю; центр тяжести; отрицательная величина; по наклонной плоскости; вступить в новый фазис; достигнуть апогея* и др.

Понятно, что в результате этого влияния научной и журнально-публицистической речи на общелитературный язык в нем сильно расширяется запас интернациональной лексики и терминологии. Например, получают право гражданства такие слова: *агитировать, интеллигенция, интеллектуальный, консервативный, максимальный, минимальный, прогресс, рационализировать, коммунизм, интернационал, культура, цивилизация, реальный, индивидуальный, радикал* и мн. др.

Семантический перелом в системе русского языка сказывается и на отношении к церковнославянизмам. Пройдя через преломляющую среду научного или журнально-публицистического языка, элементы старого славяно-русского языка семантически обновлялись. Они наполнялись новым содержанием (ср., например, значение таких слов, составленных из славяно-русских морфем: *представитель, непререкаемый, общедоступный, всесокрушающий, отождествить, мероприятия* и др.).

Те же слова и выражения, которые сохраняли свою связь с церковно-книжной традицией, приобретали разные экспрессивные оттенки - в зависимости от стиля, сюжета, а также от идеологии той или иной общественной группы. За пределами культового языка и опиравшихся на его риторiku стилей церковной и официально-правительственной речи церковнославянизмы к концу XIX в. уже представляют лишенную внутреннего единства массу лексических и фразеологических осколков. В газетно-публицистическом языке революционно-демократической интеллигенции был распространен прием иронического употребления церковнославянизмов (ср., например, в языке Помяловского, Салтыкова-Щедрина).

Таким образом, в семантической системе русского литературного языка постепенно отмирают пережитки средневековой мифологии. Общий язык в своем развитии следует за ходом науки. Углубляется и расширяется не только система значений и оттенков, но увеличивается и объем литературного словаря. Знаменательны такие соотношения цифр: в "Словаре Академии Российской" (1806-1822) содержалось 51388 слов; в "Словаре церковнославянского и русского языка" (1847) уже было помещено 114749 слов; "Толковый словарь" В. И. Даля выходил за пределы 200 000 слов.

В этом расширении словарного фонда сравнительно небольшая часть приходилась на долю заимствований, большая же часть была продуктом русского народного творчества. Правда, высшие классы нередко пытались отгородить литературный язык от народного стеной западноевропейских заимствований.

Наряду с этой тягой к загромождению литературного языка излишними заимствованиями, в некоторых буржуазных стилях журнально-публицистической, газетной и официально-деловой речи развивается манера искусственно-книжного, синтаксически запутанного изложения. Описательная, пышная фраза заслоняет простое название предмета, понятия. Термины отрываются от вещей. Паутина фраз облакает действительность.

Достоевский в "Дневнике писателя" дал меткую ироническую характеристику этому приему словоупотребления: "... если теперь иному критику захочется пить, то он не скажет прямо и просто: *принеси воды*, а скажет, наверное, что-нибудь в таком роде:

Привнеси то существенное начало овлажнения, которое послужит к размягчению более твердых элементов, осложнившихся в моем желудке".

Но могучим противоядием против этой искусственно-книжной фразеологии были реалистические стили русской художественной литературы, достигшей в это время - под влиянием творчества Пушкина, Лермонтова и Гоголя - небывалого расцвета. Тургенев, Гончаров, Некрасов, Салтыков-Щедрин, Достоевский, Островский, Л. Толстой, Чехов - вот цепь вершин, по которым движется развитие языка русской художественной литературы.

Содействуя сближению литературного языка с народной речью, очищая литературную речь от всякого лексического и фразеологического мусора, намечая новые пути словесного творчества, художественная литература обогащает инвентарь общей литературной речи новыми образами, меткими словами, фразами, новыми выразительными средствами. В общий оборот входит множество цитат, изречений, названий разных типов и характеров (например: *обломовщина; от ликующих, праздно болтающих; жупел; мягкотелый интеллигент; лишние люди; кисейная барышня; мещанское счастье; человек в футляре; Иудушка; бывшие люди* и мн. др.).

Реалистические традиции художественной речи дожили до эпохи социалистической революции, несмотря на попытки символистов их разорвать. Громадную роль в развитии

реалистического языка, идущего от классиков XIX в., сыграло творчество Горького. Русская художественная литература питалась соками народного творчества, народного языка и народной поэзии. В демократических стилях газетной и публицистической речи второй половины XIX - начала XX в. также продолжал развиваться процесс расширения литературного языка в сторону устной городской и деревенской речи. В произведениях Л. Толстого с 70-80-х годов крестьянская речь служила стилистической опорой его языка. Рост общественного интереса к народной поэзии служит для Л. Толстого "залогом возрождения в народности" (письмо к Н. Н. Страхову от 3 марта 1872 г.). Симптоматично замечание Гл. Успенского о народной речи: "Оригинальность и самобытность народной речи, во многом совершенно еще не понятная для так называемой чистой публики..., делает эту речь и это народное слово совершенно свободным, не знающим никаких стеснений... Это преимущество народного разговора, важное само по себе, приобретает особенную важность и интерес ввиду того огромного материала, взятого непосредственно из жизни, который имеет в своем бесконтрольном распоряжении эта свободная народная мысль, выражающаяся в свободном слове".

Конечно, много народных, профессиональных, нередко даже областных слов и оборотов несли с собой в литературу и писатели - выходцы из народа, из демократических низов общества. Большое значение имел также выход в свет "Толкового словаря" В. И. Даля. Этот словарь представлял собой своеобразную энциклопедию народной жизни XIX в. Даль выдвигал задачу: "Выработать из народного языка язык образованный". Но эта задача была неосуществима в условиях капиталистического быта, в которых так глубока была пропасть между городом и деревней, между разными классами общества, между трудом физическим и умственным. Русский литературный язык до эпохи социалистической революции находился в более тесном взаимодействии с разговорным языком города, с его разными диалектами и жаргонами, чем с языком деревни. Процесс наполнения литературной речи идиомами, фразами и словами из профессиональных диалектов и жаргонов, резко

обозначившийся в 30-50-е годы, во второй половине XIX в. продолжает развиваться более напряженно и в разных направлениях. Фабрично-заводские, индустриально-технические диалекты принимают участие в этом процессе. Но преобладают жаргонно-профессиональные элементы, лежавшие ближе к бытовому обиходу и общему кругу интересов дворянства и буржуазии, интеллигенции и полуинтеллигенции. Литературная речь быстро ассимилирует и окружает новыми значениями попадающие в нее формы экспрессивно-жаргонной речи (например, из воровского арга: *валять дурака, тянуть волынку* и др.; из актерского арга: *этот номер не пройдет, задать бенефис* и т. п.; из арга музыкантов: *играть первую скрипку, попасть в тон, сбавить тон* и др.; *разделатъ под орех* - из языка столяров и т. п.). На почве смешения разнообразных элементов разговорной речи с книжными возникает принцип своеобразного сращивания просторечных морфем с литературно-книжными, например: *глупистика, болтология, очковтирательство, злопахательство, пенкосниматель* и др. Вообще же для системы буржуазных стилей русского языка характерна стилистическая неупорядоченность. Идеологический разброд, расширение объема понятия литературности, столкновение архаических и революционных тенденций мешают строгой кодификации стилей.

Однако во второй половине XIX в. осуществляется стабилизация грамматической системы русского языка. Обозначается процесс выравнивания грамматических категорий. Выходят за пределы литературной нормы диалектальные, "поместные" черты старой грамматики (вроде им. пад. мн. ч. существительных среднего рода на *ы - и* и т. п.). Укрепляется целый ряд общерусских явлений, демократизирующих грамматическую систему литературного языка (например, широко распространяется *-а* к формам им. пад. мн. ч. существительных мужского рода: *профессора, инспектора, дисканта* и т. п.). Вместе с тем сильнее обозначается поворот к аналитическому строю (ср. широкое развитие предложных конструкций, рост отвлеченных значений в системе предлогов и т. п.). Общему углублению

семантической системы соответствует осложнение синтаксических связей, особенно среди форм подчинения.

5

Резкий сдвиг в русском языке произошел в эпоху социалистической революции. Ликвидация классов приводит к постепенному отмиранию классовых и сословных диалектов. Уходят в архив истории слова, выражения и понятия, органически связанные со старым режимом. Разительны изменения в экспрессивной окраске, сопровождающей слова, относящиеся к сословным или сословно окрашенным социальным понятиям прошлого, дореволюционного быта, например: *господин* (теперь - за пределами дипломатического языка - всегда с эмоцией враждебности и иронии), *барин*, *благотворительность*, *чернь*, *жалованье* и др.

Социалистическая реконструкция государства, рост марксистско-ленинских идей, создание единой советской культуры - все это находит отражение в языке, в изменении его семантической системы, в бурном рождении советских неологизмов.

В широкий общественный оборот входят слова, понятия, фразеология марксистской науки об обществе (ср., например: *снять противоречия*, *диалектика*, *диалектический подход*, *борьба классов*, *эксплуататорские классы*, *ликвидация паразитических классов*, *капиталистическое окружение*, *пережитки капитализма в сознании*, *производительные силы*, *коллективизация хозяйства*, *коллективный труд*, *производительность труда*, *мелкособственнические навыки* и др.).

Язык коммунистической партии, ее вождей оказывает глубокое влияние на общелитературную речь [ср., например, вошедшие в общее употребление лозунги и афоризмы: *головокружение от успехов*; *гнилой либерализм*; *детская болезнь левизны*; *догнать и перегнать* (капиталистические страны в успехах хозяйственного строительства); *кто кого*; *лучше меньше, да лучше* и др.].

Новая, социалистическая культура меняет структуру русского языка в тех областях его, которые более других допускают

приток новых элементов - в словообразовании, лексике и фразеологии. Новые формы политической организации, новый быт, социалистическая идеология - все это ведет к массовому образованию новых слов и понятий или к глубокому семантическому изменению множества прежних слов и выражений (ср., например: *совет, комсомол, ударник, ударничество, пятилетка, колхоз, колхозник, единоличник, самокритика, вредительство, чистка, ударные темпы, стахановское движение* и мн. др.). Осуществляется принципиальная идеологическая перестройка национального русского языка на социалистических началах.

Современный литературный язык берет все лучшее из тех языковых формаций, которые и до революции служили целям культурного объединения и развития, отбрасывая все классово-чуждое, и усваивает новые (как русские, так и западноевропейские) слова и обороты, вызванные к жизни советской действительностью - строительством новой жизни на социалистических началах.

Распространение материалистических и атеистических идей, борьба с религиозными предрассудками сужает круг живых церковнославянизмов и поддерживает традицию иронического применения церковнославянской лексики и фразеологии, уже прежде нашедшую яркое выражение в публицистическом языке революционно-демократической интеллигенции (ср. образование таких слов, как *аллилуйщик, аллилуйский* и т. п.).

В напряженной борьбе за социалистическое строительство рождается много слов с эмоциональными суффиксами, пригодных для того, чтобы заклеить те или иные отрицательные явления, например: *учредилка* (ср. *курилка, предварилка* и др.), *уравниловка, обезличка, рвач* и др.

Вместе с тем укрепляются качественно новые типы словообразования, например тип сокращенных и сложносокращенных слов (*совнарком, совдеп, замнарком, зам, зав, комбриг, помбух* и др.). Понятно, что с общим культурным подъемом страны, с ее стремительным техническим развитием растет в современном русском языке фонд интернациональной лексики. Он насчитывает больше 100 000 интернациональных слов. С ростом науки и техники связан процесс

стремительного обогащения и расширения специально-технических языков. Те элементы профессиональной лексики, которые имеют узко-технический характер, остаются, конечно, принадлежностью языка той или иной специальности. Но в условиях социалистического строительства вопросы производства перестают быть узко-техническими, специальными, они приобретают широкое общественное значение. Поэтому множество технических слов и терминов входит в литературную норму, занимая видное место в общенациональном языке, например: *трактор, комбайн, блюминг, пропеллер, кабина, врубовая машина, шарикоподшипник, диспетчер, приводной ремень, короткая волна, кинофикация* и мн. др. Вместе с тем из разговорного языка рабочих масс распространяется много профессиональных слов и выражений, получивших широкое общественно-политическое содержание, например: *спайка, смычка, увязка, зажим, чистка, звено, звеньевой* и др. под.

Социализм впервые создает предпосылки для подлинной всеобщности национального языка как национальной формы социалистической культуры. Грани между социальными диалектами постепенно стираются. Живая устная речь широких масс подымается на более высокий культурный уровень, сближаясь с языком советской интеллигенции. В первые годы революции низовой язык городских масс хлынул в литературную речь, прорвав запруды буржуазной "литературности". К эпохе революции основное ядро низового городского языка состояло из стилей устной речи, свойственных мелкой буржуазии, мелкому служилому люду, рядовым чинам армии и рабочим. К этому просторечию были близки разные аргы (например, аргы деклассированных), снабжавшие живой язык города экспрессивными словечками, выражениями и оборотами. Армия, моряки и рабочие явились главными проводниками этих токов низовой городской речи в литературный язык первого периода революционной эпохи. Но культурный рост демократических масс - в процессе строительства новой, социалистической культуры - привел к коренному изменению норм их разговорной речи, к сближению их с общим разговорным языком советской интеллигенции. Правда, в области городского просторечия

еще заметны резкие диалектальные различия. В современном городском языке еще рельефно выступает несколько обособленных арг. Но они уже не влияют столь решительно, как в первые годы революции, на общелитературную норму. Общий разговорный язык впитывает и постепенно поглощает мелкие диалекты, вытесняя их. В русском языке после революции - в противоположность предыдущим этапам истории - не происходит распада, не усложняется его социально-диалектная дифференциация, не умножаются говоры. Наоборот, отчетливо выступают объединительные тенденции, происходит общенациональная концентрация русского языка. Пролетарская революция, уничтожив эксплуататорские классы, вызвала широкую демократизацию разговорного и отчасти письменного (газетного, публицистического, научно-популярного) языка. Пристрастие к диалектизмам и арготизмам, подхваченным у люмпенпролетариата, быстро изжило себя. Оно встретило резкий отпор со стороны великого пролетарского писателя - А. М. Горького.

В социалистической культуре быстро исчезает пропасть между городом и деревней. Сближение местной речи с литературным языком происходит в процессе культурного развития крестьянских масс, из среды которых, так же как из рабочей среды, вырастают новые кадры советской интеллигенции. Литературная речь становится органическим элементом мышления передового крестьянства. Проблема борьбы литературного языка с местными говорами теряет свою остроту, так как основная масса крестьянства уже не противопоставляет себя в языковом отношении городу. Элементы диалектальной лексики не создают резкого отчуждения областных диалектов от общенационального языка, но, вливаясь в литературную речь, постепенно ассимилируются ею.

Часть диалектизмов усваивается литературным языком и растворяется в нем. Конечно, гораздо устойчивее фонетические и морфологические различия между областными наречиями и говорами.

Но и тут картина современных отношений между говорами неясна. Почти не изучены диалектальные и этнографические

перегруппировки народных говоров после революции. Процесс эволюции национального русского языка советской эпохи отражает быстрый рост советской культуры. "Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за орудие культуры. Чем острее это орудие, чем более точно направлено, тем оно победоносней" (М. Горький).

В эпоху всеобщего кризиса капитализма русский язык, вооруженный новыми идеями социалистической реконструкции общества, становится наиболее активным очагом международных языковых влияний.

Интернациональное значение приобрели, например, слова *совет*, *большевик*, *колхоз* и др. Множество советских терминов и выражений "калькируются", т. е. буквально передаются на разных языках мира (например, *ударник* - нем. *Slossarbeiter*, англ. *shoc-worker*, франц. *ouvrier de choc*; *социалистическое соревнование* - нем. *Sozialistischer Wettbewerb.*, англ. *Socialistcompetition*, франц. *emulation socialiste* и др.

Еще в 1919 г. Ленин говорил: "Мы достигли того, что слово "Совет" стало понятным на всех языках" [4].